

"Листая старые дела"
300-летию Российской полиции посвящается

А. В. Фаниев

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

Краснодарское краевое отделение
Общероссийской общественной организации -
Ассоциация ветеранов боевых действий ОВД и ВВ России

18+

Андрей Фаниев

Экстренный розыскъ

«Автор»

2023

Фаниев А. В.

Экстренный розыск / А. В. Фаниев — «Автор», 2023

Россию, пережившую революционные потрясения 1905 года захлестнула волна преступности. По ранее тихим провинциям империи проносится волна убийств и грабежей. Крестьяне бросают мирную жизнь и подаются в банды. На просторах кубанских степей и Екатеринодаре совершаются чудовищные преступления. Бесчинствуют «Степные дьяволы», «Факельщики» и «Душителы». Для раскрытия жестоких убийств, совершенных в Кавказском отделе следователь по наиважнейшим делам В.Л. Корчевский и становой пристав Л.П. Ермаков выезжают в Екатеринодар, что бы скоординировать действия с вновь назначенным начальником сыскного отделения А.П. Пришельцевым. Преступники, сбежав из Кавказского отдела пробрались в областной центр и примкнув к банде беглого ссыльнокаторжного Антона Полюнды совершают серию разбойных нападений, в ходе которых убили шесть человек. Начальник сыска принимает решение привлечь к расследованию коллег из Кавказского отдела... Книга написана на основе реальных событий.

© Фаниев А. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Доложить без «надеюсь»!	5
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Андрей Фаниев

Экстренный розыскъ

Доложить без «надеюсь»!

«Не убий» – 6-я заповедь (Ветхий завет. Исход. Глава.20 Стихи 2-17, Второзаконие 5:6-21)

Виновный въ убійстве наказывается: каторгою на срокъ не ниже восьми летъ. гл.22 ст. 453 «О лишеніи жизни.»

Новое уголовное уложеніа Высочайше утвержденно 22 марта 103 года

Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. Раздел VII гл. 16 ст.105 УК РФ от 13.06.1996г.

– Смотри Зая, вот отсюда надо будет сделать бетонный спуск, прямо к причалу, – крепкий мужчина лет сорока, уверенный в себе, в хорошем костюме, скопировал в нужном направлении правой рукой характерный ленинский жест, а левой приобнял миловидную темноволосую женщину в джинсах и клетчатой рубашке, явно моложе его.

Она ловко высвободилась.

– Витя! Как ты достал своим гидроциклом, мне твой бомбардир¹ уже снится, – а затем, тряхнув длинными волосами, добавила: – Лучше бы о бане нормальной подумал, с бассейном, каскадом и массажным креслом. Чтоб людей пригласить не стыдно было.

– И сауну забахаем... не заморачивайся, а когда твои родственники с Питера приезжают, то их с гидроцикла за уши не оттащишь. Сама вспомни, как твой племяш сутками на нем гарцевал.

– Они из сауны тоже сутками не вылезали, – печально сказала Ира. – Такое впечатление, что в Питере помыться негде.

– Ирунь... но это же халява, тем более на отдыхе. Им было здорово, и слава богу, мы в состоянии принять гостей, тем более – родственников.

Ира обняла мужа и поцеловала.

– Ладно... уговорил, делай домик для своего бомбардира, пусть живет рядом, как верный пес. В конце концов, ты всегда все планируешь хорошо, у тебя это здорово получается.

– Не только планирую, но и успешно претворяю в жизнь! – Виктор поднял палец вверх и улыбнулся. – Вот, смотри уже бригада на подходе.

– Какой маленький тракторчик... как игрушечный, – сказала Ирина, приложив руку к глазам и вглядываясь вдаль.

– Это японский... «Камацу» называется, – ответил ей муж, надевая темные очки.

– Здравствуйте, Виктор Палыч! Прибыли в ваше распоряжение, –бригадир, высокий молодой парень в оранжевой спецовке, пожал ему руку и кивнул Ирине. – Согласование с экологами получили?

–Да... все есть, – коротко ответил Виктор.

– Ну и отлично... Тогда сегодня же начнем планировку, – улыбнулся прораб.

¹ Бомбардир («Bombardier») – модель канадского гидроцикла.

Услышав разговор, рабочие не дожидаясь команды, начали готовить технику.

Маленький экскаватор, который так понравился Ирине, весело урча, начал бойко копать заранее размеченную траншею. Прораб с рабочим обсуждал глубину, как вдруг тишина, непривычная на строительной площадке, неприятно резанула слух. Обернувшись они увидели, что экскаваторщик вышел из кабины и что-то внимательно разглядывает в земляном отвале.

– Сергей... что встал? – недовольно крикнул прораб, но тот не ответил, а присел, и начал ладонью аккуратно разгребать жирный чернозем.

– Черт...неужели опять подарок с войны? – подумал он. Последний обнаруженный 76-мм артиллерийский снаряд приостановил работы на несколько дней и чуть не привел к срыву сдачи объекта.

Он подошел и наклонился над развалом. Из земли выглядывал бок чугунка, зуб экскаватора содрал слой ржавчины, и свежая полоса белого металла ярко блестела на солнце.

Прораб нагнулся, потянулся к чугунку и вдруг почувствовал, как воздух вокруг него сгустился, и наступила звенящая до боли в ушах тишина. На его руки в белых строительных перчатках легла тень, в которой угадывались заскорузлые ладони с обломанными ногтями, и в подсознании он услышал, вернее, ощутил бесплотный голос: «Не тобой положено, лежи взад».

На площади перед церковью, на бревне нагретом первым весенним солнцем, Митрич, мелкий мужичонка средних лет с отечным рябым лицом, нещадно дымя самокруткой, втолковывал Тихону: –Дарьин мужик уже два года на заработки к одному богатею в Екатеринодар ездит, деньги привозит, а хозяйства не прибавляется, значит, копит, кутут проклятый, и хочет зараз подняться.

–А могёт быть, и не привозит, – задумчиво произнес Тихон, сын сельского кузнеца, высокий широкоплечий парень лет двадцати с круглым приятным лицом и светлыми волосами, расчесанными на прямой пробор.

–Ты сам рассуди...с какого ляду Авдей столько времен подряд ездит? Просто так? Нет, брат, шалишь... кубышка там точно имеется. Дарья одна живет, на отшибе. Смекаешь?

–А вдруг не получится или потом споймают? – наморщил лоб парень, – да и боязно после такого дела людям в глаза будет смотреть.

– Споймают... не получится, – насмешливо кривя тонкие губы, передразнил Митрич.– Если послабку своему характеру не дашь, и меня будешь слушать, то все получится! А насчет людей не сомневайся, дело сделаем и в город сразу уедем, я наемни в трактире слух пустил, что на заработки с тобой собираюсь, а в городе всем на всех наплевать, там каждый за себя в ответе.

Затем, смачно затянувшись напоследок, Митрич ловким щелчком выбросил сигарку, точно попав в пробегавшего гуся, выпустил густой клуб едкого дыма, приобнял Тихона за плечи и вкрадчиво добавил:

– Да и о Марии подумай! Баба она дюже справная, и родители цену ей знают. На кой хрен ты ей сдался, когда в кармане вошь на аркане? Зашли к ней сватов, так тебе сразу с порога гарбуза и выкатят². А дело сделаем – в городе приоденешься и явишься к ней таким кандибобером³ на фаэтоне с резиновыми шинами. Против тебя равных в станице не будет... понял, дура? Верно тебе говорю, думай, пока я добрый. Для лихого дела охочие всегда найдутся, просто люб ты мне, и я к тебе со всем уважением.

– Однако попробовать можно, – неожиданно твердо сказал Тихон, облизнув пересохшие вдруг губы.

² Гарбуза выкатить – получить отказ на предложение руки и сердца.

³ Кандибобером – франтом, с шиком.

– Ай да молодец! – радостно вскричал Митрич. – Знал я, что ты своего не упустишь, держись меня и будет тебе фарт.

– А что это? – ростодушно спросил Тихон. – Слово-то какое, не русское, я и не слышал никогда.

– Фарт – это удача, – снисходительно пояснил Митрич и деловито продолжил: – Попервой я тоже, как и ты, не знал, был кулемой деревенским, а как в городе стакнулся с сурьезными людьми, много чему обучился, всяким вещам для жизни полезным. Придет время, и тебя обучу... Теперь слушай внимательно. Как бабы вечернюю дойку закончат, по сумеркам сразу выходи и иди за околицу на поле, где давеча стога метали, и жди меня. Как завечереет, я и приду.

Вдругон напрягся, взгляд стал жестким, зрачки сузились и двумя ружейными стволами уперлись в лицо Тихона:

– Придешь? Не струсил? А то смотри, в таком деле вход – целковый, выход – два!

– Не бойсь, приду, – понуро ответил Тихон.

– Эн нет, Тиша, так не годится, – с лица Митрича исчезла жесткость, глаза приняли обычное выражение и, хлопнув его по плечу, он добавил: – На лихое дело надо с радостью идти, с куражом, как на гулянку, а ты, никак, на погост собрался? Глядишь, фарт и задом может повернуться. Посему не журись, хлопче, весело живи, и будет тебе удача!

– Пойду я, еще по свету надо помочь батьке борону починить и молотилку старосты подлатать, – упруго поднявшись, сказал Тихон. – До вечору.

– Само собой, иди с богом... батьке помочь – это первое дело, – произнес Митрич и, когда тот уже отошел, тихо окликнул: – Тиш, помнишь, когда давеча с хуторскими махались, ты кистенек⁴ с собой брал? Вечерком не забудь прихватить, авось сгодиться. И рубаху темную надень. Нам белые одежи ни к чему, чай, не ангелы.

Весь день Тихон ходил сам не свой, все валилось из рук. Когда он загонял в борону шплинт, зубило соскочило, и он ненароком рассадил себе ладонь. «Вот те раз, – подумал он, – и надо же, так не к месту». Со страхом и каким-то горячечным нетерпением ждал он вечера.

Наконец, начало темнеть. Погасла жара. Вдоль плетней и у ворот резче очертились тени. Острым закатным бликом заострился крест на церкви возле кладбища.

Он вышел в сени, напился воды, спрятал кистень под полу, перекрестился на виднеющиеся вдалеке купола и пошел к полю, где на фоне неба маленькими курганчиками чернели наметанные стога. Когда Тихон подошел к полю, начался мелкий, занудливый дождь, и под ногами сразу зачавкало.

– Пришел? Молодец, я не сумлевался в тебе, – сказал невесть откуда появившийся Митрич. – Ну что, с Богом?

– Не поминай Господа, чай, не доброе дело делаем! – ответил Тихон, зябко передернув плечами.

– Это ты зря, Господь – наш единственный заступник, наша надежда и опора, он и карает, и грехи отпускает, – нервно хохотнул Митрич и показал бутылку необычной для станичного лабаза формы.

– Это горилка? В жисть такой не видал, дай глотнуть, а то зябко.

– Сам ты горилка. Керосин это, а бутылек от шустовского коньяка. Пойло такое, шибко забористое, дорогущее, богатеи и фартовые только его и пьют. Скусный – страсть. Вот дело сделаем, и ты такой пить будешь, человеком станешь!

– А керосин зачем?

⁴ Кистенек (уменьш.) – кистень. Холодное оружие ударно-дробящего действия в виде небольшого шара на цепи, иногда с деревянной рукояткой.

– Дурында ты незнающая! Вот дело закончили и петушка красного в хату запустили. Хай, потом становой пристав разбирается. Пожар он и есть пожар. Огонь, он все грехи спрячет! Понял?

–П-п-понял, – заикаясь, произнес Тихон.

Дом Дарья стоял на отшибе. Во дворе на веревках висело тяжелое от дождя белье. Когда-то гордо украшавший конек, ярко раскрашенный петух, был мокр и облезл и походил на опшпанную курицу. Ставни были открыты, и сквозь плохо задернутые занавески было видно, как молодая тридцатилетняя женщина хлопчет по дому, готовясь ко сну.

–А собака? – неожиданно спросил Тихон.

– Не бойсь... Я ее третьего дня колбасой с мышьяком угостил.

Подойдя к двери, Митрич перекрестился, и вдруг сильным ударом ноги, неожиданным для его тщедушного тела, распахнул ее и вихрем влетел в хату.

Дарья стояла в ночной сорочке около кровати, взбивая подушку, и улыбалась своим никому неведомым мыслям. Увидев нежданных гостей, она, прижав подушку к груди, робко улыбнулась:

– Вечер добрый, что случилось?

Но увидев перекошенное лицо Митрича, она сразу поняла, что ее ждет, и страшно закричала. Он наотмашь ударил ее по лицу, и женщина отлетела в дальний конец горницы под киот, висевший в красном углу. Подскочив, Митрич с размаху ударил ее ногой в живот.

– Не бей, Христа ради! Тяжелая я, дите жду.

Тихон стоял неподвижно, судорожно теребя кистень. На него напал столбняк.

– Говори, сука, где деньги, – прорычал бандит, наступив каблуком на кисть ее руки. – Калекой останешься, по частям резать буду, стерва! – рычал он, всем телом давя на женскую руку.

Дарья, захлебываясь слезами и собственной кровью, кричала:

– Какие деньги, ирод, посмотри, куда пришел, где ты достаток видишь? Бери все, что хочешь... нет у меня ничего!

– Врррешь зараза, есть деньги ... знаю... есть! – ревел Митрич, прыгая на руке. – Говори...отдай все без утайки, жить будешь!

– Да.... Да... есть... – вдруг закричала Дарья, выплюнув очередной сгусток крови.

Митрич сразу же изменился в лице, неожиданно став добрым и участливым:

– Ну вот, милая, видишь, как славно поладили, я ж тебе сразу говорил, а ты не слушала... Теперь все будет ладком, и мы греха на душу не возьмем, – он помог ей встать, усадил на кровать и подал крынку с водой.

Глядя на него, невозможно было поверить, что несколько мгновений назад, он, рыча как зверь, истязал бедную женщину.

– Попей, попей, милая, – приговаривал он, ласково оглаживая ее по волосам, запекшимся от крови.

Тихон постепенно отходил от столбняка.

– Ну, отдохнула и будя... теперь показывай! – проворковал Митрич, в этот момент похожий на кота, удачно залезшего в глечик со сметаной.

Дарья встала и, пошатываясь, направилась к столу. Митрич не отставал от нее ни на шаг. Внезапно она схватила нож и ударила его в грудь, но лезвие скользнуло по ребрам, не причинив особого вреда. Она качнулась вперед и занесла руку для второго удара. Митрич перехватил ее руку, но Дарья с нечеловеческой силой свободной рукой вцепилась ему в лицо, из последних сил крича:

– Помогите...! Убивают!

– Ах, ты ж, сучка! – Завизжал Митрич. – Что смотришь... бей, бей, гад, быстрее!

Тихон очнулся... Он легко взмахнул рукой, и кистень, смачно чвакнув, проломил височную кость. Дарья беззвучно, кулем осела на землю и, пару раз вздрогнув всем телом, замерла навсегда. Рубашка задралась, обнажая красивые стройные ноги и нижнюю часть живота.

Кровь из проломленной головы вытекала, обильно заливая земляной пол. Тихон смотрел на это, оцепенело покачивая головой.

У Митрича с лица лоскутьями была содрана кожа, и кровь капала на пол.

– Курва... Вот же курва подколотная, – приговаривал он, трясая головой.

– Иди, Митрич, подивись, – вдруг сказал Тихон. – Дарья, баба навродь с виду лядащая, а кровищи, что у твоего хряка... Глянь, сколько натекло.

Митрич подскочил и с размаху ударил его по лицу.

– Чего дивись, сучара? Ухайдакал девку и дивись! Крови не видел? Заметив, что парень смотрит на ее ноги, он прошипел: – Что, бабы голой не видал, сопляк? Так возьми приголубь, пока теплая!

От этих слов Тихона передернуло, но он пришел в себя.

– Давай, ищи, за чем пришли! Не хрена рассусоливать! – рывкнул Митрич и начал судорожно переворачивать весь нехитрый скарб. Прошло около получаса, они умаялись и сели передохнуть, на мертвое тело уже никто не обращал внимания. Тихон перевязал раненую днем руку, которая вновь закровила. Он сидел напротив печи, и вдруг его взгляд упал на чугунки, аккуратно стоявшие на полке.

– Смотри, – сказал он. – Все чугунки закопченные, а один – чистый, не использованный, у нас в лабазе таких не продавали... издалека чугунок.

Митрич метнулся к печи, схватил его и застыл: чугунок был необычайно тяжел. Сняв с него крышку и заглянув внутрь, он с придыханием произнес:

– Слава тебе, Господи! Есть хабар⁵. Таперича петушка в хату и геть отседова!

Сноровисто расплескав по горнице керосин, Митрич достал из печки уголек, запалил от него бумажку, бросил ее на пол, взял Тихона за рукав и выволок на улицу.

В ночном тумане над станицей разнесся протяжный звон колокола. Истошный голос, не переставая, на одной ноте вопил:

– Пожар...пожар! Ратуйте, православные! – Полуодетые станичники с ведрами бежали к горящему дому Дарьи.

Женщина средних лет из-за плетня крикнула пробегающему парню с ведром:

– Петро, где горит-то?

– Дарьяна хата!

– Это Авдея-то женки? – не отставала она.

– Да, – прокричал хлопец, не оборачиваясь.

Пробравшись дворами к Митричу, при свете семилинейной лампы они высыпали содержимое чугунок на стол и остолбенели. Бедная хата озарилась невиданным светом камней и тусклым блеском золота.

– Фунта два, однако, будет! – Ошарашено произнес Митрич. – Откуда у нее это?

– Может, от бабки осталось? Она вроде молоком и яйцами на рынке торговала.

– Нет, – задумчиво ответил Митрич. – Эти цацки городские... из богатых домов, здесь три наши станицы на корню купить можно... Сейчас это надо сховать, и не в хате, а в другом месте, подождать, пока все уляжется, а потом думать, как все сбегать. Здесь каин⁶ нужен серьезный, который по рыжью⁷ и камням ходит.

⁵ Хабар – добыча.

⁶ Каин – скупщик краденного.

– Долго ждать-то надо? – спросил Тихон.

– Может, год, а, может, и два, – ответил Митрич, любуясь игрой света на гранях крупного сапфира.

– А как же Мария? Мне ж жениться на ней надо, из-за нее я и на гнусность сподобился, – растеряно произнес Тихон, широко раскрытыми глазами глядя на кучу драгоценностей.

– Дура ты и есть дура! – покровительственно произнес Митрич. – Если ты хотя бы одно колечко продашь, то перед тобой такие девки на цырлах ходить будут, что слюнями захлебнешься! Хватит разговоры говорить, сейчас к реке пойдем, туда, где шуку двухпудовую на Покров мужики словили, там и ухоронку сделаем.

Митрич встал и подошел к окну. Тихон воровато оглянулся и сунул в карман одно колечко, призывно смотревшее на него ярким рубиновым глазом.

– Ставь хабар в печь, бери ведро и бегом со всеми на пожар, – распорядился Митрич, накидывая на плечи свой выдавший виды лапсердак.

– Зачем? – Ошарашено спросил Тихон, которому очень не хотелось туда идти. Ему казалось, что стоит им появиться, как первый же человек покажет на него пальцем и закричит: – «Хватай убийцев, вот они, душегубы!».

– Затем, дурья башка, чтоб все нас видели, как мы пожар тушим и о беде людской радеем, смекнул?

–А, Митрич, и впрямь голова! – восхитился Тихон, подхватил в сенях ведро, бодро выскочил на улицу и влился в толпу.

Вся станица, полуодетая, с ведрами бежала к горящей хате. Гаврила Нарыжный, поднявший тревогу, сноровисто таскал из колодца ведро с водой и по цепочке передавал мужикам, которые поливали стены и уже начинавшую тлеть крышу. Действиями станичников умело руководил становой пристав. Наконец, последние языки пламени перестали облизывать стены и, пошипев для приличия, исчезли.

– Геть назад! – прикрикнул пристав на мужика, который решил проявить рвение и сунулся в дверь, из которой несло запахом гари.

– Ваш бродь! А вдруг она там? Внутрях лежит живая? – спросил пожилой казак, нещадно дымя козьей ножкой.

– Была бы жива, уже б голос подала, – ответил пристав, и тихо добавил: – Да и заглядывал я уже туда...

– И шо? Нешто там она? – стора от любопытства, спросила Глафира, толстая тетка с круглым улыбчивым лицом, на которое по случаю пожара было надето скорбное выражение, но Лавр Павлович не удостоил ее ответом и, обернувшись, приказал одному из молодых казаков: – Давай верхами⁸ за следователем и доктором, я здесь побуду.

Становой пристав, подпоручик Лавр Павлович Ермаков, был молодым поджарым мужчиной, являющим собой образец строевой выправки. Несмотря на относительно долгий срок службы, он не утратил к ней интереса, и любое происшествие вызывало у него азарт, сродни охотничьему. Он нервно прохаживался ничего не предпринимая, дожидаясь приезда следователя и земского врача.

Услышав за спиной скрип колес, Ермаков резко развернулся и упругим шагом пошел навстречу подкатившей коляске, в которой сидели следователь с помощником и врач.

– Доброе утро, – поздоровался пристав.

– Здравствуйте, – ответил за всех следователь, а доктор добавил: – Мне кажется, Лавр Павлович, что насчет доброго вы несколько погорячились.

⁷ Рыжье – золото.

⁸ Верхами – верхом.

– Давай в двух словах, Лавр, и начнем... – сказал следователь, слегка полноватый блондин в пенсне и форменном вицмундире. Они с приставом были знакомы давно, испытывали друг к другу искреннюю симпатию и даже иногда вместе рыбачили.

– В двух словах и будет... Гаврила Нарыжный вышел до ветру, увидел огонь и поднял народ. Всем гамузом⁹ потушили. Я прискакал, когда пламя уже начали сбивать. Заглянул в хату, она лежит на полу. Поверху глянул, все стало ясно, и послал за вами.

– Так она не угорела?

– Нет... сейчас сами увидите.

Аккуратно, стараясь не оставить лишних следов, они вошли в хату.

По счастливой случайности огонь занялся напротив окна, обращенного к деревне, и был сразу замечен. Керосин, разлитый на земляной пол, частично впитался. Пламя только опалило край ночной рубашки и волосы, а до тела Дарьи не добралось.

– Да-с... давно убийств не было, – сказал доктор, сразу подошедший к телу и начавший его осматривать.

– Арнольд Ромуальдович... может, все-таки угорела? – с робкой надеждой спросил следователь, которому очень не хотелось иметь криминальный труп.

– Викентий Леонтьевич! Если вы считаете, что огонь мог выжечь такую аккуратную дыру в черепе, то тогда конечно, – с улыбкой сказал Арнольд Ромуальдович. – А *propos*¹⁰, этот адский огонь, прежде чем пробить голову, избил ее и изуродовал руку, весь пах в крови... ну, это уже в морге посмотрим.

– Мовет быть, краски¹¹? – вдруг послышался от порога голос. Гаврила, поднявший народ на борьбу с огнем, считал себя одним из главных участников происшествия и до жути хотел принять участие в следственных действиях.

Все трое удивленно обернулись. Нарыжный стоял у порога, прижавшись к косяку, он мял в руках картуз и всем своим видом выражал готовность содействия следственным органам.

– Вон отсюда! – шикнул на него пристав, а доктор, улыбнувшись, добавил: – В мозгах у тебя краски... вместо серого вещества.

В дверях показался помощник следователя с огромным штативом и кофром.

– Викентий Леонтьевич, начинать сигналетическую съемку¹²? – громко спросил он, желая произвести впечатление на окружающих диковинным словом.

– Да... пожалуй, начинайте распаковываться, – сказал следователь и добавил: – Ну что, приступим, помолясь?

Через четверть часа общая картина была ясна.

– Вошли ночью, сразу стали бить, причем не просто бить, а пытаться, стараясь выяснить какую-то информацию. Она оказала активное сопротивление. Под ногтями кровь. По всей видимости, она ничего не сказала, в хате разгром, – задумчиво произнес Лавр Павлович.

– А где, собственно, орудие убийства? – внимательно оглядываясь вокруг, спросил Викентий Леонтьевич, – *In flagranti*¹³ что-то не наблюдается.

– Может, с собой унесли? – вопросом на вопрос ответил Ермаков и, присев, аккуратно за острие и рукоятку, двумя пальцами поднял с пола нож. – Арнольд Ромуальдович, а на теле есть ножевые ранения?

⁹ Гамузом – народом, обществом.

¹⁰ А *propos* (лат.) – кстати.

¹¹ Краски – просторечное название месячных.

¹² Сигналетическая съемка – опознавательная фотосъемка живых лиц или трупов, произведенная в целях их последующего опознания, криминалистической регистрации или розыска.

¹³ *In flagranti* (лат.) – на месте преступления.

– Не видно, может быть, на спине? Я еще не осматривал. Кстати, после падения труп с места не двигали.

– После такого удара умирают сразу, смысл добивать ножом? По всей вероятности, это кровь кого-то из убийц.

– Изымем и приобщим к уликам. Арнольд Ромуальдович, я слышал, в медицине появился какой-то метод, при помощи которого можно установить, кому принадлежит кровь. Вы не слышали об этом? – спросил Викентий Леонтьевич, поскрипывая пером.

– Слышал. Это называется группа крови¹⁴. У меня есть необходимые реактивы, можно попробовать, – ответил доктор.

Пока помощник устанавливал над трупом треногу и укреплял аппарат Бертильона, следователь успел написать протокол осмотра места происшествия и скомандовал: – Начинайте снимать, Аполлон Игоревич.

Во время съемки, при вспышках магния, Лавр Павлович мягким пружинистым шагом прохаживался по горнице, водя глазами по сторонам.

– Викентий, погляди, – от возбуждения он забыл о правилах хорошего тона и указал на стену, где на побелке явственно отпечатался окровавленный след ладони.

Арнольд Ромуальдович, приглядевшись, уверенно сказал:

– Мужская... Хозяин ладошки – высокий и крупный мужчина. Здесь и Пинкертоном быть не надо.

– Спасибо, Лавр Палыч. Вашей внимательности можно только позавидовать, – благодарно произнес следователь. – Жаль только, что снять отпечатки нельзя, как назло, смазаны.

– Для определения группы достаточно, – Арнольд Ромуальдович достал из саквояжа пробирки и, подумав, добавил: – Я б, сударь, изъял бы коньячную бутылку: довольно-таки необычная вещь для станицы. Я практически в каждой хате побывал, но шустовских коньяков наблюдать не приходилось.

– Спасибо Арнольд Ромуальдович, очень дельное замечание! Аполлон Игоревич, обязательно дактилоскопируйте труп. Если ее пальцы не совпадут с отпечатками на бутылке, то это будет веселейшая улика, – сказал Викентий Леонтьевич, азартно потирая руки.

– Лавр Палыч, я думаю можно заканчивать. Будьте любезны, распорядитесь: пусть подгонят телегу и доставят тело в больницу.

– Как вы думаете, Арнольд Ромуальдович, – следователь обернулся к врачу, – за день управитесь?

– Всенепременно, батенька, думаю уже к обеду успеть, – внимательно продолжая разглядывать труп, ответил доктор.

Следующей ночью, взяв лопаты, Митрич и Тихон пошли на берег прятать добычу. От реки веяло прохладой. Кубань тихо несла свои воды куда-то далеко в неведомые края. Ярko сияли звезды, изредка прочерчивая на небе длинные сполохи. Тишину нарушали лишь всплески рыб, охотившихся на всякую летучую мелочь.

– Митрич, а куда Кубань течет? – спросил Тихон.

– Никшни¹⁵! – коротко ответил Митрич, и, сделав несколько шагов, неожиданно остановился. – Колай тут.

Когда яма достигла желаемых размеров, Митрич аккуратно опустил в нее чугонок.

– Закапывай, – приказал он. Затем утрамбовал землю, накидал сверху веток и удовлетворенно оглядел схрон.

¹⁴ Понятие группы крови, принятое в современном мире, предложено австрийским ученым Карлом Ландштейнером в 1900 году.

¹⁵ Никшни (разг.) – замолчи, заткнись.

– Теперь все. Пошли до хаты – не грех и обмыть.

Отойдя на некоторое расстояние, Тихон обернулся:

– Я сам и не найду теперь.

– А тебе и не хрен туда лазить, только попробуй! Я клал, мне и забирать.

– А моя доля??? – удивленно спросил Тихон.

– Придет срок, получишь! Хабар отлежаться должен, – сказал Митрич и, смачно высморкавшись, добавил: – Я – честный бродяга и подельников не обманываю, не беру перед блатным обществом греха на душу.

Затем, вытерев пальцы об штаны из синего муслина, с угрозой произнес:

– А если сам надумаешь полезть без меня, то знай! Живой я буду или мертвый, только ты чугушка коснешься, я тебя за руки цап, и скажу: «Не тобой положено, ложи взад».

– Сейчас, господа, зашью, приведу себя в порядок и выйду к вам, это займет не более четверти часа, а пока прошу в кабинет. Там, кстати, и самовар, наверное, еще не остыл, – сказал Арнольд Ромуальдович, выглядывая из дверей прозекторской в черном клеенчатом фартуке, забрызганном кровью.

– Весьма признателен, вы чертовски гостеприимны, – с иронией сказал следователь. Гости нещадно дымили папиросами, старались дышать только ртом.

– Черт... – произнес Лавр. – Знал бы, трубку взял бы.

Викентий Леонтьевич улыбнулся неожиданному каламбуру: – Действительно, аромат весьма непрезентабельный.

Наконец, когда они уже всерьез начали опасаться, что для борьбы с ужасным запахом не хватит имеющегося запаса папирос, из прозекторской вышел Арнольд Ромуальдович, уже без фартука и в чистом халате.

– Ну вот, господа, картина в принципе ясна. Как и предполагалась нами ранее, за небольшими, а может, и большими деталями. Удар был нанесен тупым твердым предметом, человеком большой физической силы, проломлена *os temporale*¹⁶, что собственно и явилось причиной смерти. На *maxilla*¹⁷ слева трещина, по ее проекции выбито два зуба: *premolaes*¹⁸ и *molaes*¹⁹, и еще два, соответственно, справа и слева шатаются в лунках. На лице слева обширная гематома. Справа сломаны два ребра, причем одно из них пробило плевру и легкое, вследствие чего образовался пневмогемоторакс, который и дал обильную кровь из полости рта. Кровь из *vagina*²⁰ – это, безусловно, не *mensis*²¹, как полагал милейший Гаврила, а последствия удара, по всей видимости, ногой, в подвздошную область, что привело к разрыву правого яичника. – Арнольд Ромуальдович поднял вверх палец с безукоризненно отполированным ногтем. – Но, господа, прошу заметить, что это дает нам внутреннее, или, в крайнем случае, незначительное кровоизлияние. А здесь мы имеем классическое профузное²² маточное кровотечение, вызванное, как вы думаете, чем? – Хитро прищурившись, спросил он, и сам же ответил: – Правильно, *abortus*²³! Она была на третьем месяце беременности, – печально добавил он. – От удара случился выкидыш. Я вообще поражаюсь, как с такими травмами и кровопотерей она смогла обраться и еще травмировать преступника.

– Следы соития? – подался вперед следователь.

¹⁶ *Os temporale* (лат.) – височная кость.

¹⁷ *Maxilla* (лат.) – верхняя челюсть.

¹⁸ *Premolaes* (лат.) – предкоренной зуб.

¹⁹ *Molaes* (лат.) – коренной зуб.

²⁰ *Vagina* (лат.) – влагалище.

²¹ *Mensis* (лат.) – менструация.

²² Профузное – обильное.

²³ *Abortus* (лат.) – выкидыш, преждевременные роды.

– Нет, – твердо сказал Арнольд Ромуальдович. – Никакого сексуального насилия не было, и никаких характерных в данном случае повреждений наружных половых органов или иных следов я не обнаружил... а теперь господа, попрошу обратить самое пристальное внимание!

– Господи, Арнольд Ромуальдыч! Не томите, – простонал Лавр Павлович. – Уже сил нету нюхать эту вонь!

– Так давайте выйдем на воздух, погодка нынче прекрасная, – предложил доктор и, приобняв за плечи, подтолкнул их к двери.

Выйдя из морга, они присели на лавочку. Лавр Павлович снял фуражку, все закурили, и доктор продолжил:

– Кровь из-под ногтей идентична крови на лезвии ножа, а на рукоятке кровь Дарьи. Отпечаток ладони на стене другой группы, то есть преступников было как минимум двое, один из них ранен и предположительно имеет царапины на лице, частиц ткани под ногтями я не обнаружил, а у второго сильно повреждена ладонь.

– Я попросил Аполлона Игоревича дактилоскопировать²⁴ труп, он заходил?

– Да, с утра был, – ответил Арнольд Ромуальдович и, закулив новую папиросу, проговорил: – Я сказал, чтобы тело обмыли и, по возможности, привели в порядок для похорон, Вы уж, Лавр Палыч, будьте любезны, скажите там старосте, что ее можно забирать.

Хоронили Дарью по православному обычаю на третий день. Последние два дня своей земной юдоли²⁵ она пролежала в хате, которую под пристальным взглядом Лавра Павловича (вдруг еще какая улика отыщется?) прибрали станичные бабы. Стол передвинули в центр и головой к красному углу поставили гроб, на который печально взирали Николай Чудотворец и образ Семистрельной Пресвятой Богородицы.

– Да... Не умягчила Богородица сердца душегубов, прости Господи, – перекрестившись на иконы, сказал кузнец. Ему и в голову не могло прийти, что один из душегубов – его сын, который стоит рядом с ним, скорбно опустив голову.

Дарья при жизни была красивой женщиной, и сейчас на ее лице, освобожденном от земных забот, лежала печать умиротворенности и покоя. Все морщины разгладились, и казалась, что она просто спит.

Ее обрядили в новое платье, которое нашли висящим на самодельных плечиках за печкой, и укрыли кипенно-белым саваном с вышитым Распятием, в память о тех белых одеждах, в которые облачают младенца при крещении. Умело наложенный венчик скрыл рану на виске, здоровую руку положили поверх изуродованной, и, глядя на покойницу, ни за что нельзя было сказать, что она приняла мученическую смерть.

– Авдей, бедный, и не ведает, какое горе его дома ждет, – всхлипнула одна из женщин.

– Никто не знает, у кого он батрачит, – тихо ответила другая. – Как его известить? Один Бог знает.

Священник, услышав, нравоучительно произнес: – Таинственен промысел Божий, – и, осенив себя крестом, добавил: – Пора выносить. Берите с Богом!

Четыре мужика взяли гроб и вынесли во двор. Процессия выстроилась, отец Игнат взмахнул кадилом, и женщины слажено запели «Трисвятое».

К Дарье относились хорошо, и поэтому на кладбище была почти вся станица. На панихиде многие женщины искренне плакали, и «Со святыми упокой» звучало от чистого сердца.

²⁴ Дактилоскопия в Российской империи была введена циркуляром Главного тюремного управления в 1906 году в тюрьмах, а в сыскных отделах крупных городов 6 июля 1908 года.

²⁵ Юдоль ([церк.-книжн.](#), [поэт. устар.](#)) – жизненный путь, жизнь, с ее заботами и печальями.

Тихон шел и пел вместе со всеми, стараясь не смотреть на гроб, держась в хвосте колонны, но, когда подходили к могиле, людской строй сломался и неожиданно вынес его прямо к яме, где отец Игнат уже начал панихиду.

«Благословен Бог наш всегда, ныне, и присно, и во веки веков», – звучало над старым кладбищем, где было похоронено четыре, а у кого и больше поколений предков. Каждый из присутствующих, вознося Богу молитву, вспоминал тех, кого уже не суждено было увидеть и мысленно просил у них прощения. Лица у людей просветлели, и не верилось, что уйдя с кладбища, они вновь будут грешить, забыв состояние души, возникшее во время общей молитвы.

Стоя в непосредственной близости от гроба, Тихон не мог отвести от него взгляд. Ему казалось, что Дарья из-под закрытых век смотрит на него и недобро улыбается.

Наконец запели «Святый Боже». Покойницу накрыли покрывалом, и батюшка посыпал ее освященной землей.

– Закрывайте, – коротко сказал он.

Два мужика подняли крышку и накрыли гроб. Анисим, сосед Дарьи, подошел и сноровисто заколотил ее в четыре удара.

Мужики начали заводить под днище полотенца, как вдруг один из них, оглянувшись на Тихона, произнес:

– Давай, подмогни.

Тихон взялся за полотнище и начал потихоньку его потравливать, медленно опуская гроб и чувствуя, как саднит порезанная рука. Когда гроб опустился в могилу, напарник поддержал полотенце и вопросительно взглянул на Тихона. Он понял и отпустил свой конец, напарник ловко вытянул длинное полотнище и бросил его на земляной холмик около могилы.

Вдруг Тихон ощутил на себе тяжелый взгляд. Лавр Павлович, стоявший рядом с отцом Игнатом, смотрел на его руки и на землю.

– Где ты Тихон, ладонь рассадил? – спокойно, не повышая голоса, но с каким-то внутренним напряжением спросил пристав.

Тихон, проследив за взглядом, обмер, и холод волной пронесся по его телу. На лежащем белом полотнище ярко алели кровавые пятна.

– Это мы Ермолая-старосты молотилку латали, – вдруг неожиданно сказал кузнец. Я ему говорю: держи крепче зубило, шпилент выбивать буду, а он ворон считает, вот и досчитался. Хорошо хоть кость целая.

– Аккуратней надо, – сквозь зубы процедил пристав, пристально глядя на Тихона и его отца. – Так и калекой можно остаться, – добавил он, не сводя внимательного взгляда.

Бабы начали раздавать кутью, и все потихоньку стали расходиться.

– Надо бы помянуть по православному обычаю, – сказал кто-то, и мужики дружно пошли в трактир.

Вечером, когда сели ужинать, отец неожиданно спросил:

– А где ты все ж руку рассадил?

– Когда молотилку делал, ты же знаешь, – буркнул Тихон, не отрывая глаз от миски.

– Я-то знаю, да вот Лавр, боюсь, не знает, нехорошо он как то на тебя смотрел, – сказал отец, и, помолчав, добавил: – В трактире мужики говорили, что какую-то руку кровавую на стене в Дарьиной хате нашли, доктор ее своим ножичком шкрябал, да в склянку ссыпал.

– Не знаю, чего он там шкрябал, я молотилку майстрачил.

– Ну, добре, коли так, – примирительно сказал отец.

Тихон не мог дожидаться, когда стемнеет. Как только на небе зажглись первые звезды, и брехливые станичные псины, наконец-таки, уgomонились, он помчался к Митричу.

В небольшой покосившейся избе ставни были закрыты, а окна изнутри были завешены старыми мешками. Прикрученный фитиль керосиновой лампы тускло освещал только небольшой круг стола, на котором лежала четвертушка ситного и оловянная миска с вареной картошкой.

Внимательно выслушав, Митрич взял картофелину, обмакнул ее в крупную соль, горкой насыпанную на обрывке газеты и положил в рот. Тихон, не отрываясь, смотрел на него. Прожевав и вытерев губы, тот произнес:

– Уходить надо. Лавр, он сукин сын, въедливый. До всего докопается. Если сразу не заарестовал, значит сумлеается еще, ночь подумает, а поутру, чтоб сумления свои развеять, он поведет тебя в больницу. Там Ромуальдыч чикнет иглой в палец и будет твою кровь смотреть: – та или не та. Тут нам и канты.

Он положил обе руки на стол, нагнулся вперед и, глядя Тихону в глаза сказал:

– Уходить надо.

Помолчал и добавил:

– Сегодня ночью, немедленно.

Поезд № 27 «Новороссийск-Владикавказ» прибыл на станцию Кавказскую удивительно вовремя. Паровоз, весело свистнув, остановился прямо напротив красивого, недавно отстроенного из красного кирпича здания вокзала²⁶. Из вагона на перрон вышел молодой мужчина с красивым волевым лицом, одетый в темно-вишневую шелковую косоворотку и пиджачную пару. На ногах были хромовые сапоги с жесткими бутылочными голенищами и наборными, по последней моде, каблуками. Из жилетного кармана свисала, посверкивая на солнце, золотая цепочка от часов. Держа в руках небольшой саквояж, он легкой походкой направился к выходу.

Пройдя привокзальную площадь, он уверенно зашагал по пыльным улочкам, направляясь к северной окраине. Через полчаса, подойдя к аккуратной, беленой известью хатке, он похитрому постучал в окошко и произнес:

– Галя, встречай гостя.

Вышитая занавеска дрогнула, и стало ясно, что гостя внимательно разглядывают. Наконец, дверь приоткрылась, на пороге появилась пожилая неопрятная женщина в накинутах на плечи, несмотря на теплую погоду, платке и хрипловатым голосом, коротко пригласила:

– Входи, Авдей.

Контраст между неряшливой хозяйкой и чистеньким домиком не смутил его, и он уверенно вошел в сени.

– Исть с дороги будешь? – спросила Галина.

– Только дурень от еды отказывается! – широко улыбнулся Авдей. – Чем попотчуеть?

– Не бойсь, с голоду не помрешь, – улыбнулась хозяйка. – Пока на стол соберу, сходи с дороги ополоснись, – добавила она, протягивая чистое полотенце.

Когда Авдей, блестя мокрыми волосами, вошел в хату, на столе уже дымились судачья уха, на сковороде шкворчало мясо с грибами, а на большом блюде лежали пирожки с ливером и вязигой²⁷. В центре стоял зеленоватый штоф.

– На чем? – поинтересовался он.

– На кизиле, – Галина правильно поняла вопрос.

– На кизиле – это душевно, – сказал Авдей и присел к столу.

– Бери Галя, лафитничек²⁸, в одиночку не тот вкус.

²⁶ Здание вокзала железнодорожной станции Кавказская построено в 1903 году одним из первых на Кубани. Внесено в список культурного наследия под №1624 как памятник архитектуры.

²⁷ Вязига – хорда, проходящая сквозь позвоночник осетровых рыб. Используется в русской кухне для приготовления начинки в пирогах.

²⁸ Лафитник(устар.) – граненная рюмка конусообразной формы с короткой ножкой.

– С каждым гостем пить, с перепоя и помереть можно.

– Я не каждый, – посуровел лицом Авдей, и вдруг жестко произнёс: – Садись, давай... не мельтеши!

Пока Авдей ел, Галина молчала, только аккуратно поднимала рюмку, выпивала и отщипывала от пирожка маленькие кусочки.

Наконец, вытерев полотенцем губы он сказал:

– Я налегке приехал, лягавые по бану²⁹ шныряют, рисковало с грузом ехать, почтой отправил, дней через пять сходи, получи. Вещички козырные, враз уйдут, – и, кивнув на стоявшую в углу зингеровскую машинку, добавил: – Перелицуй только.

Откинувшись на спинку стула и потянувшись, Авдей спросил:

– Прилечь есть где? Что-то разморило меня, в сон клонит.

– За хатой, под жерделой лежаночка стоит. Пойди приляг, – ответила хозяйка. – Цыган к вечеру подойдет, успеешь передохнуть.

Хата Галины не была притоном или воровской малиной в общепринятом понимании, там никогда не было пьяных оргий и непутевых девок. Это было что-то вроде явочной квартиры, где свой человек мог переночевать, получить нужную информацию и привести себя в порядок за небольшую плату. Явка была неизвестна полиции, посетители об этом знали, берегли ее и чувствовали себя спокойно.

Открыв глаза, Авдей увидел сидящего на краю кушетки черноволосого мужчину, которого за нос с горбинкой и черные глаза называли Цыганом, главаря хорошо организованной банды, промышлявшей ограблением и убийством крестьян, возвращавшихся домой после уборочных работ.

– Здравствуй, Цыган.

– И тебе не хворать, Авдей. Как добрался? Как Екатеринодар поживает?

– Все путем, и добрался хорошо, и в столице спокойно.

– Известное дело, спокойно, – хохотнул Цыган. – Ты же уехал!

Авдей оценил шутку и улыбнулся.

– Четыре дуры³⁰ я тебе нашел, машинки новые, прямо в масле, и маслят к ним по две обоймы. Только с собой не рискнул брать, почтой отправил. Через пяток дней думаю, придут.

– Вот спасибо! Потрафил³¹, дорогой! – радостно сказал Цыган и тут же заинтересованно спросил: – а машинки какие?

– Машинки козырные, – с достоинством ответил Авдей. – Справные машинки, «Браунинг» называются. И, главное, он в ладони умещается, карман не оттягивает, положил – и гуляй спокойно, ни один фараон³² не догадается.

– Спасибо, – еще раз повторил Цыган, и, вздохнув, произнес: – Забрал бы ты нас под себя, Авдей, страсть, как хочется в стольном городе покуролесить. Там и девки красивущие с культурным обхождением, и кабаки знатные. У меня, сам знаешь, хлопцы огневые, за тобой в огонь и в воду.

– У меня народ не хуже твоего. Вот ты со своей кодлой ко мне завалишься и дела попросишь. Что я своим отвечу? А они мне предъяву³³ выставят... Что, Авдей, доверять нам перестал? Или в умении нашем сомневаешься? Как мне быть? Сам рассуди, – и, положив руку

²⁹ Бан (жарг.) – вокзал.

³⁰ Дура (жарг.) – пистолет.

³¹ Потрафил (устар.) – угодил.

³² Фараон (жарг.) – полицейский, жандарм.

³³ Предъява (жарг.) – обвинение или обоснованное подозрение в чем-либо.

Цыгану на плечо, серьезно добавил:– Ты брат, правильный иван³⁴, у общества в полном уважении. Знаешь, почему? Потому что ты здесь хозяин один и навсегда. По всем непоняткам к тебе народ бежит. А в Екатеринодаре кем станешь? Подо мной ты долго не проходишь. Не выдержишь, ты сам себе хозяином привык быть. Отколешься и сам начнешь работать? Внесешь смуту в народ. Пирог каждый от своего угла кусает, а кто шибко большой кусок хочет откусить, тот и поперхнуться может. У тебя почти три дюжины народу. Всех размести, накорми. Они спокойно сидеть не будут. Враз кого-нибудь грабанут или магазин подломают, а города не знают, их сразу цоп за рога и в стойло. Сейчас у нас непросто, очень тяжело стало. Новый сыскной начальник пришел, Пришельцев³⁵ фамилия, все роет и роет, как собака, везде нос сует, совсем житья не стало... А вот покуролесить – милости просим! – улыбнулся он Цыгану. – Я очень рад буду, лично встречу, как царскую особу, по высшему разряду.

– Спасибо, Авдей, мудрый ты... Грамотно все разложил по полочкам. А за приглашение спасибо. Обязательно приеду, жди в гости.

Они попрощались, и Цыган вышел на улицу. Авдей зашел в хату.

– Я, наверное, на воздухе досыпать буду, спозаранку уйду, вещички мои в порядке?

– Что им сделается? Эвон лежат, – зевнув, ответила Галина.

Вечером Тихон, дождавшись, когда отец ушел в кабак, сказал матери:

– Хорошую работу в городе обещают, вечером с мужиками поеду, посмотрю. Если не брешут, останусь, а нет – вернусь.

– Как так, Тиша? Ни с того, ни с сего срываться? Утром вроде и не собирался никуда, а тут вдруг в одночасье? – недоуменно спросила мать.

– Митрич на полдня вернулся пожитки собрать, и сразу назад едет. Говорит, прошляпишь – враз другого найдут. Свято место пусто не бывает, тем паче, если за него и платят хорошо, – ответил Тихон и неожиданно для себя добавил: – А там и учиться пойду.

Мать сразу успокоилась:

– Учиться – это хорошо. Даст Бог, в люди выйдешь. Сейчас в дорогу соберу.

Через час все было готово. Он взял холщовый мешок с едой и одеждой, в который тайком от матери положил кистень. Обнял ее напоследок, вышел во двор, потрепал по холке дворового пса и огородами направился к Митричу. Через пару часов, когда станица затихла, они вышли за околицу и по пыльной дороге зашагали к Екатеринодару.

Пристав и следователь сидели на открытой веранде и пили чай с баранками и вишневым вареньем.

– На бутылке отпечатков Дарьи не обнаружено, но есть отпечатки, пригодные для идентификации, – сказал Викентий Леонтьевич, окуная баранку в чашку. – Теперь, Лавр, осталась самая малость – узнать, кому они принадлежат.

– Вчера, когда хоронили Дарью, меня смутил... или насторожил... даже не знаю, как сказать, один момент, – произнес Лавр Павлович и подробно рассказал о крови на полотенце. – Его отец сразу же, не стушевавшись, рассказал, как Тихон поранил руку. Понимаешь, Викентий, я его знаю давно, он пользуется авторитетом в станице, да и Тихон не в чем дурном замечен не был. Я не могу объяснить, но у меня остался очень нехороший осадок.

– Это называется: интуиция, – засмеялся Викентий Леонтьевич и вдруг оборвал смех. – Ты помнишь, что сказал Ромуальдыч? Хозяин ладошки высокий и крупный мужчина. Тихон вполне подходит под эту категорию.

– Поехали, – Лавр резко встал.

³⁴ Иван (жарг.) – главарь.

³⁵ Александр Петрович Пришельцев – начальник Екатеринодарского сыскного отделения в период с 1909 по 1914 год.

– Секунду, – ответил Викентий. Он зашел в комнату и сразу же вышел, укладывая во внутренний карман пиджака револьвер.

– Это еще зачем? – удивился Лавр. – Я сам его скручу, никуда, стервец, не денется!

– Если это действительно Тихон, то он очень опасен, понимаешь? Вспомни, какую рану нанесли Дарье. А вдруг он был с отцом? Тот тоже крепкий мужик.

Через двадцать минут они на бричке подъехали ко двору кузнеца, который на наковальне направлял косу.

– Бог в помощь, Иван Кузьмич, – поздоровался Викентий Леонтьевич.

– Боги казали, чтоб вы помогли, – добродушно ответил кузнец. – Чем обязан?

– Тихон дома? Увидеть его надо, – сказал Лавр Павлович.

– Он в город уехал работать. Надоела станица, городским решил стать. Митрич его хорошим заработком сманил.

– И когда он уехал? – поиграв желваками и еле сдерживаясь, чтоб не выматериться, спросил пристав.

– В ночь и поехал, жинка его в дорогу собирала, пока я в кабаке с мужиками сидел. Когда вернулся, его и уже след простыл, – спокойно ответил Иван Кузьмич.

– Ну, нет, так нет, – спокойно сказал Викентий Леонтьевич. – До свидания. Если вдруг приедет, пусть заглянет ко мне, – он слегка стегнул коня, и они выехали со двора.

– Неужели ты думаешь, что он сам к тебе явится? – кипя от злости, спросил Лавр.

– А неужели ты думаешь, что он вернется? Они с Митричем подались в бега, их надо срочно направлять розыскной циркуляр, – столь же спокойно ответил следователь.

– Надо было отца прижать. Ловко он мне про руку сбыхал.

– А он не сбыхал. Тихон и в самом деле мог поранить руку на работе, а у Дарьи от резкого движения травмировать ее вновь. Ведь когда он пришел на кладбище, кровь у него не текла? Так ведь?

– Да, действительно, – сдавлено произнес Лавр.

После двух часов хода беглецы притомились, присели на обочину и закурили.

– В кулак дыми. В темноте сигарку за версту видать, – сказал Митрич и, после нескольких затяжек, добавил: – В Екатеринодар надо идти, только туда нам дорога. И на первое время приютят, и в дело войти помогут, а нет, так сами что-нибудь сварганим.

– Ничего... сейчас поедим, заночуем, а поутру двинемся, – проговорил Тихон, доставая нехитрую снедь.

– Днем нельзя, по ночи надо идти, становой у тебя уже побывал, и, наверное, уже депешу отбил.

– Какую депешу?

– Чтоб искали нас. Как придет такая депеша, циркуляр называется, ее всем филерам и городовым прочтут, а там все про тебя сказано, кто ты есть и как выглядишь. Глаза у тебя какие, волосы, рост какой, а если еще и фотопортрет твоя мать даст, то им это совсем в радость, как кость для пса.

– А про тебя тоже сказано? – Озадаченно спросил Тихон.

– И про меня тоже... Лавр, сволочь, конечно, первостатейная, но не дурак. Он меня к тебе привязал... верно тебе говорю... с чего вдруг мы вдвоем, на ночь глядя, в город умотали?

Минут десять они ели молча, затем Митрич задумчиво произнес:

– С дороги будем в сторону забирать, Завтра жандармские разъезды по всему тракту встанут. Никак не пройдем. Харчей и денег у нас нема, а в хутора нам путь заказан. Сей-

час дождемся фраера, и Бог даст, разживемся. –И, глянув исподлобья, спросил:– Припас³⁶ не забыл?

Тихон простодушно ответил, кивнув на импровизированный стол:

– Так вот же он!

– То не припас, а хавка, кистень, говорю, не забыл?

– Н-нет..., а ч-что? –Заикаясь, спросил Тихон.

–А то, – наставительно произнес Митрич. – Через полверсты дорога на подъем идет, там кусты еще имеются, место хорошее. Заляжем: я справа, ты слева. Как кто проедет, я шумну, он на меня обернется, а ты его без промедленья кистенем.

– П-почему я?

– А потому что, опыт у тебя имеется, вон как Дарью ловко оприходовал.

– Боязно мне что-то, может я шумну, а ты сам? – все еще заикаясь, спросил Тихон.

– Вот те раз! Бздила – мученик! Боязно ему! Раньше надо было бояться! Кистень твой – тебе и работать, – ухмыльнулся Митрич, и с уважением добавил:– Вон у тебя силища в руках какая!

– А вдруг их двое?

– То уже не твоя забота, с двоими сладим, ты, главное, того, кто с вожжами будет, успокой.

Еще раз перекурив, они встали и пошли к месту, где решили сделать засаду. Ждать пришлось около часа, когда, наконец, вдалеке послышался скрип колес.

– Давай на ту сторону, только пригнись. Твой – кто правит, запомнил? Как только на меня повернется...не раньше! –И слегка хлопнув по плечу, добавил: – Не дрейфь, Тиша!

Скрип становился все ближе, на фоне неба показалась телега, и уже можно было уловить запах конского пота. «Один или нет?»–Лихорадочно думал Тихон, и, словно отвечая на его вопрос, раздался голос:

– Славно, сынок, с мяском вышло, до последнего не верил, что баба все мясо оптом возьмет.

– И сметана с яйцами еще до полудня ушла, – ответил другой голос, помоложе.

Телега приближалась, у Тихона вдруг сильно забилося сердце, и он, испугавшись, что этот стук услышат ездоки, всей грудью прижался к земле.

Вдруг вылетев из темноты, ком земли ударил возницу в плечо. Он привстал и повернулся к обочине, где лежал Митрич.

Тихон вскочил, кинулся к телеге, и с налета взмахнув кистенем, ударил не успевшего даже развернуться к нему мужика. Удар был нанесен с хорошим замахом и пришелся под шаг. Кистень с глухим коротким стуком, напоминающим столкновение двух бильярдных шаров, легко проломил череп и почти полностью погрузился в него.

Второй пассажир, габаритами не уступавший Тихону, обладал отменной реакцией, он не кинулся к отцу и не растерялся. Парень мгновенно вскочил на ноги и, выхватив из-под сена топор, замахнулся на бандита. Тусклый блеск стали ошеломил Тихона, и он, растерявшись, сделал шаг назад.

Но сзади черной хищной птицей подлетел Митрич, в падении схватил его за ноги и резко дернул. Парень, нелепо взмахнув руками, как подкошенный рухнул вперед, выронив топор. Он еще не успел коснуться земли, как Митрич, прыгнув на него сверху, два раза вонзил в него нож с коротким и широким лезвием, в котором отражался лунный свет.

Упершись коленом в поясницу и захватив волосы на затылке, он прижал жертву к земле и ждал, когда закончатся предсмертные судороги. Ноги парня несколько раз согнулись в коленях, тело выгнулось дугой и вдруг обмякло. Митрич присел, вытер нож об рубашку убитого,

³⁶ Припас (жарг.) – оружие

подошел к телеге и откинул рядом³⁷, лежащее на соломе... На него, не мигая, смотрели огромные от страха детские глаза.

Митрич, ни на секунду не замешкавшись, схватил ребенка за горло и сильно сдавил. Хрустнули позвонки, из широко раскрытого в немом крике рта побежала розовая пена, глаза потускнели и закатились. Через мгновение все было кончено. Внимательно посмотрев на маленький трупик, он достал нож и двумя точными ударами выколол мальчишке глаза.

– Господи... а это к чему? – все произошло настолько быстро, что Тихон ничего не успел понять.

– К тому, – хмыкнул Митрич, деловито вытирая нож о солому. – Он своими глазищами погаными меня срисовал³⁸.

– Ты зачем, у Ерофея на поле свою кобылу пас? – строго спрашивал Аполлон Игоревич. – Он на тебя жалобу написал... теперь, Сидор, следствие в отношении тебя учинять буду!

Сидор стоял, как нашкодивший школяр, теребя в заскорузлых руках потёртую капелюху³⁹.

– Ненароком вышло, я ее на поводу пустил и решил сбегать до хаты. Назад вертаюсь, а она, стерва такая, отвязалась и на Ерофея поле забрела. Я ее, заразу, за узду и назад, а тут Ерофей, и сразу в крик. Потраву, говорит, ты мне учинил, по закону с тебя взыщу. А какая потрава? Пяти минут на его поле не паслась! Чего она там сожрать могла?

– Значит, утверждаешь, что ущерб незначительный? – Задумчиво произнес Аполлон Игоревич, которому не хотелось из-за одного снопа переводить кучу времени и бумаги, к тому же он хорошо знал склочный характер Ерофея, хитрого и прижимистого мужика.

– Святой истинный крест, Аполлон Игоревич, – привсхлипнув, произнес Сидор, истово крестясь на видневшиеся в окне купола. – Святой истинный крест! Пусть очи повылезают, если хоть слово сбредал.

– Собака брешет, – устало остановил его помощник следователя. – Иди к Ерофею и ему кайся. Решай дело миром, а будет артачиться – скажи, что сделаю следственный эксперимент и, если потрава маленькая, то его упеку в холодную за то, что в заблуждение ввел следственные органы и государевых людей от службы оторвал.

– Благодарствую, Аполлон Игоревич, душевный вы человек, дай бог здоровья, вам и супруге с деточками, – умиленно сказал Сидор, и вдруг указав на бутылку, стоявшую на полке, добавил: – а как жинка в город торговать поедет, я ей накажу, чтоб коньяка шустовского вам привезла.

– С чего ты решил, что это именно коньячная бутылка? – спокойно и даже с ленцой в голосе, спросил он, не выдавая охватившего его волнения.

– К Митричу заходил, у него такая на столе стояла, я спросил, а он ответил. Очень уж она красивая, с золотыми буквами, как глечик маленький.

– Может, кто у Митрича забыл?

– Нет, – твердо ответил Сидор. – Я ее давно у него видел, – и, посмотрев на Аполлона Игоревича, как на несмышленища, с улыбкой добавил: – Кто ж такую красоту забудет!

Отец Митрича, поденный рабочий, был типичным зайцем во хмелю. Трусливый и жестокий по натуре, выпив, он становился злобным и агрессивным, избивая смертным боем сына и жену, тихую забитую женщину, которая содержала семью, стирая белье у зажиточных селян. Однажды на пасху, разговевшись, он взял нож и стал его точить на оселке, приговаривая: «Все

³⁷ Рядно – полотно из грубой ткани.

³⁸ В дореволюционной криминальной среде бытовало поверье, что на сетчатке глаза жертвы остается портрет убийцы.

³⁹ Капелюха – просторечное название головного убора.

вы, суки, за мой счет горазды жить, Вот сейчас заточу и резать вас буду. Сначала тебе, заразе, кишки выпущу, а потом с тобой, сучонок, разберусь». Затем вышел в сени и вернулся, держа за шкуру маленького приبلудившегося ко двору кутенка. Поглядев на всех мутным взглядом, он слюняво улыбнулся и вдруг одним движением распорол его тощее брюхо и пьяно захохотав, горделиво швырнул мертвого щенка в жену: – Ну, лярва, готовься смерть принять лютую, ножик востер, долго мучиться не будешь, – и, пошатываясь, пошел к ней, помахивая окровавленным лезвием.

Маленький Митрич от страха закричал, и отец перенес на него свой пьяный гнев. Одним ударом он опрокинул ребёнка на пол, начал избивать ногами, а затем, распался от собственной лихости, схватил маленькое, дрожащее от страха тельце и с маху посадил на печь. Мать не выдержав, бросилась спасать ребенка, но он схватил тяжелую чугунную сковороду и, размахнувшись, ударил ее по голове. Несчастная женщина умерла на месте. На крики сбежался народ, его скрутили и притащили в правление, а Митрича отвезли к фельдшеру.

Мать похоронили, отца осудили на бессрочную каторгу с лишением прав и состояния, чем очень повеселили народ, так как ни того, ни другого у него отродясь не было, а родственники из соседней станицы, чтоб не получить людского осуждения, забрали мальчишку к себе, хотя он и был им не нужен.

После случившегося около полугода он не мог говорить, и так как имени толком никто не знал, его называли «Митрича сын». Затем слово сын само собой исчезло, и он стал «Митрич».

Тяжелое детство, постоянные избиения, унижения и сильнейшая психологическая травма не смогли не сказаться на его характере. Лишенный ласки и общения со сверстниками, он вырос озлобленным на весь свет и патологически жестоким.

Однажды дьячок, мучаясь бессонницей, услышал непонятный шум на колокольне. Кряхтя, он поднялся наверх и остолбенел от увиденного. Маленький мальчишка в окровавленной рубашке сидел на корточках, и, чему-то улыбаясь, ножницами по частям отрезал голубю крылья. По полу ползали, оставляя кровавые следы, несколько птиц с отрезанными лапками, а в их глазницы были воткнуты шипы от акации.

– Ты что, гаденыш, творишь! – заревел дьяк и кинулся к нему, пытаясь схватить за рубаху, но мальчишка, швырнув мокрую от крови тушку дьяку в лицо, увернулся и опрометью бросился по лестнице вниз.

Дьяк узнал Митрича, и на вечерней молитве, увидев в церкви его опекуна, с возмущением рассказал ему о случившемся. Опекун молча выслушал, покивал и, придя домой, так отходил мальчика вожжами, что тот неделю не мог выползти из чулана. Но добрее он от этого не стал.

В станице кровью никого не удивишь, любая девка может, не морщась, отрубить курице голову, а любой мужчина – заколоть кабана, но садистские наклонности Митрича вызывали страх у сверстников. Однажды на берегу мужики, пришедшие пройтись с бреднем по ерику, нашли мертвую кошку, которая не успела окотиться в установленные природой сроки. Во все отверстия были воткнуты камышинки, живот вспорот, а неродившиеся котята были развешены на пуповине по кустам.

Станичники, освобождавшие Балканы от турок, хлебнувшие, и сами пролившие немало крови в Чечне и Дагестане, опешили.

– Душегуб народился на свет, еще хлебнет народ с ним горя, – сказал печально пожилой сивоусый казак.

– Если по уму, то его прибить треба, бо потом он наших девок будет насильничать, когда в возраст войдет, – ответил другой. – Знаю я этого сопляка, Митричем кличут.

– Христия, закопай все, чтоб смраду не было, порыбачим, а после подумаем, как быть.

Удачную рыбалку отметили ухой и горилкой, и, может быть, убитая кошка забылась бы, но новый ужасный случай всколыхнул всю станицу.

На Троицу молодежь, отстояв службу, решила, следуя городской моде, пойти в лес на пикник. Войдя в реденький лесок и случайно разбившись по парам, они разбрелись в поисках подходящей поляны. Галина с Семеном, высоким крепким парнем, ушли дальше всех.

Убедившись, что из-за деревьев их не видно, Семен обнял Галину и крепко поцеловал.

– Погоди, Сема, пусть хоть чуток стемнеет.

– Силов моих нет терпеть, люблю тебя, Галя! По осени сватов зашлю, гарбуза не выка-
тишь?

– Если юбку или блузку порвешь, то выкачу! – улыбаясь, сказала девушка и добавила: –
Слышишь, жареным тянет? Наверное, пока кохались, уже и поляну нашли, и мясо жарят,
пошли, пока все не съели.

Взявшись за руки, они пошли на запах, который все усиливался и с каждым шагом вызы-
вал недоумение.

– На керосине что ли жарят? – Недовольно сказала Галя.

– Вместе со шкуркой, – добавил Семен, выходя на маленькую незаметную вблизи полянку.

Увиденное повергло их в шок. К дереву была прибита собака, ее пасть была замотана про-
волокой. Распятая промежность дымилась. Из собачьих глаз ручьем бежали слезы. Особенно
ужасным было то, что весь этот кошмар происходил в абсолютной тишине. Сидевший на кор-
точках Митрич плеснул из жестянки керосин и потянулся за лежавшими на камне спичками.

Сзади послышался утробный стон, Галина упала на колени, ее выворачивало наизнанку.
От этого звука Семен пришел в себя, в два прыжка пересек поляну и с размаху ударил малень-
кого садиста ногой.

– Тварь проклятая, я сейчас тебе все гузно спалю... гниденыш.

Митрич хотел вырваться, но не смог, тогда он выхватил из кармана шило, с размаху
воткнул его Семену в икру и скрылся в лесу.

– Убью ...сученок! – крикнул в ярости Семен.

– Успокойся, – вдруг твердо сказала Галина. – Дай ногу гляну. – И, осматривая рану,
сказала: – Слава Богу, что ушел! Ты бы его прибил бы здесь.

– Жаль, что не прибил!

– А дальше? Под суд?.. А сватов кто засылать будет? – улыбнулась девушка и, поцеловав
его, сказала. – Помоги отвязать пса, я его выхожу, преданней у нас с тобой друга не будет.
Заодно покажем народу, пусть решают, а мы и дело нужное сделаем, и греха на душу не возъ-
мем.

Семен с восхищением посмотрел на нее и пошел спасать щенка.

Наутро, когда все стало известно, три уважаемых в станице казака подошли ко двору,
где жил опекун Митрича.

Старший из них, нашедший растерзанную кошку, жестко произнес:

– Здравствуй, малец, твой приемный дома? Зови до нас.

Когда Митрич вышел во двор, то сразу все понял. Он молча стоял, глядя на блестящие
сапоги мужиков.

– Общество не хочет тебя, стервеца, в станице видеть, не человек ты. Если завтра утром
тебя кто-нибудь из мужиков в станице увидит, то пеняй на себя. Еще не хватало, чтоб пришлые
байстрюки здесь гадили, – сказал сивоусый, и добавил, обращаясь к хозяину: – Собери ему
харчей, одежды на первое время и утром чтоб духу его не было. Ты все понял? – спросил он,
посмотрев на Митрича.

– Да, – ответил тот и поднял голову. От его холодного взгляда, казакам не раз смотревшим
костлявой в лицо, стало не по себе.

– Значит, бутылка Митрича, – задумчиво сказал Викентий Леонтьевич.

– Его, мерзавца, больше некому, – удовлетворенно произнес Лавр Павлович. – Надо брать!

– Безусловно, но только где теперь его искать. Аполлон Игоревич, есть пальцы, пригодные для идентификации?

– Да... уже снял.

С улицы послышался цокот копыт, резко оборвался и, для приличия стукнув рукояткой нагайки в дверь, на пороге появился запыленный казак:

– Ваше благородие! Срочно треба ехать, на дороге три трупа обнаружены, один из них – малец.

Через десять минут бричка быстро запылила по дороге. Вдалеке показались два всадника и запряженная телега.

– Вот, уже приехали, – сказал казак.

Когда они подъехали, один из казаков спешил, строевым шагом подошел к бричке и, отдав честь, доложил:

– Господин подпоручик! Во время патрулирования казачьим разъездом была замечена телега, стоявшая неподвижно, при осмотре было обнаружено три трупа, двух взрослых и одного ребенка. Старший патруля вахмистр Семен Скарга! – И затем добавил: – Я сразу послал за вами, а сам с напарником остался охранять место происшествия.

Следователь и доктор направились к телеге, а Лавр Павлович, трепеща от злости и возбуждения, принялся нарезать круги, как легавая, потерявшая след. Вдруг он остановился и зло спросил у вахмистра:

– Почему не организовали преследование? – и, махнув рукой в сторону видневшегося вдали леса, добавил: – Что, ума не хватило лес прочесать? Они только туда могли уйти.

– Ума хватило, Николай с Василием и без команды туда рванули, – с достоинством ответил вахмистр. – Да только я как тело оглядел, сразу вернул их назад, – и, видя, что пристав его не понимает, добавил: – Окоченевшие они все насквозь, значит, злодейство по ночи сотворили, ищи теперь ветра в поле.

– Скажите, какой Нейдинг⁴⁰ кубанского разлива, – ухмыльнулся Арнольд Ромуальдович.

Наклонившись, он помял предплечье и бедро молодого, лежащего ничком в луже черной запекшейся крови, парня, затем встал и, повернувшись к Лавру, сказал:

– Вахмистр прав, не менее пяти-шести часов прошло.

Каждый знал свое дело, и, обмениваясь короткими фразами, они начали работать.

– Забрали еду и наличность, если таковая имелась, – сказал Лавр Павлович. – Скорее всего, пошли в сторону Геймановской⁴¹. Зверье: – ребенку глаза выкололи.

– Судя по положению тел и отсутствию следов борьбы, полагаю, что преступников было двое, – произнес Викентий Леонтьевич. – Убитые, вероятнее всего, возвращались с рынка домой. Четыре убийства за неделю... я такого не припомню.

– Лихо работают, – поддакнул пристав и, повернувшись, спросил: – Аполлон Игоревич, вы закончили?

– Сейчас... только панорамный снимок сделаю, – ответил тот, посапывая под черной накидкой.

Через десять минут осмотр места происшествия был закончен.

– Вахмистр, грузите тела в телегу и доставьте их в больницу, сами отправляйтесь к командиру, доложите обстановку, и вот еще, – следователь быстро набросал на листке бумаги

⁴⁰ Иван Иванович Нейдинг (1838–1904) – российский врач, профессор Московского университета. Один из основоположников русской судебной медицины.

⁴¹ Геймановская – станица в Тбилисском районе Краснодарского края. Названа в честь участника Кавказской войны генерал-лейтенанта В.А. Геймана (1823–1878). Скончался от тифа в Карсе. Могила обнаружена в апреле 2017 года в ходе строительных работ в г. Ардагане (Турция).

несколько строк. – Передайте приметы и данные подозреваемых, пусть доведут до всех патрулей и разъездов.

Назад ехали молча. Доктор, закулив очередную папиросу, произнес:

– Вы знаете, господа, я очень хотел бы ошибиться в своих предположениях, но боюсь, что у нас появилась новая, и очень жестокая банда. Характер и размеры ранения черепа предварительно совпадают с травмой, нанесенной Дарье. Завтра утром результат будет известен.

Когда Авдей проснулся, солнце стояло уже высоко, а на столе дожидалась большая чугунная сковорода, на которой аппетитно скворчала яичница с салом. Он быстро поднялся, взял протянутое заботливой хозяйкой полотенце и пошел во двор умываться.

Позавтракав, он с хрустом потянулся, и сказал:

– Пора и честь знать. Спасибо за приют, Галина. Давай вещи!

– Вон они, на стуле висят.

Авдей быстро оделся и оглядел себя в зеркало. Исчезли темно-вишневая шелковая косоворотка, пиджачная пара и модные хромовые сапоги. На него смотрел совсем другой, бедный, но чисто одетый человек в пиджаке из дешевой бумазеи и в свежей белой рубаше, подпоясанный тонким шнурком.

– Как есть фрайер-работяга, – сказала хозяйка и, ухмыльнувшись, добавила. – Теперь и домой к жинке можно.

Авдей улыбнулся и положил на стол десятирублевую бумажку, которая мгновенно исчезла.

– Спасибо, если поторопишься, как раз на товарный успеешь.

Он согласно кивнул, не оборачиваясь, вышел на улицу и направился к вокзалу. Когда он подошел, товарный состав уже распускал пары.

– Ваше благородие, возьмите до Гречишкина, три месяца дома не был, хочу по светлому добраться, – почтительно обратился он к усатому железнодорожнику, стоявшему на тормозной площадке.

– Не положено, – сначала ответил тот, но увидев зажатую в кулаке сиреневую рублевую бумажку, смиловился: – Три месяца говоришь? Давай лезь быстрее, через две минуты тронемся.

Через час с четвертью, у небольшого разъезда поезд сбавил ход, и Авдей, вежливо попрощавшись, прыгнул на землю. Оглянулся вокруг и, заметив невдалеке телегу, направился к ней:

– День добрый. До Северинова не возьмешь?

– Садись, пошто доброе дело не сделать, – ответил мужик.

Около пяти часов вечера, он уже подходил станице. Первый же человек, с которым Авдей поздоровался, коротко ответил и, опустив глаза, ускорил шаг. Соседка, жившая через два дома, увидев его, неожиданно свернула за угол. Радостное предвкушение от возвращения домой улетучилось, уступив место неясной тревоге. На главной улице сельский дурачок Миня, увидев его, растянул рот в идиотской улыбке и, пуская слюни, гугниво произнес:

– Опоздал ты домой, Авдюшка... нет там никого.

– Ты что несешь, Миня? Что с Дарьей? – Сдерживаясь, спокойно спросил Авдей, но реакция соседей и встреча с дурачком уже слились в единое, и он понял, что произошло что-то непоправимое.

Минька заблеял козой и, нахлестывая себя хворостиной, убежал, а Авдей, не чувствуя под собой ног, поспешно направился к дому.

Участковому приставу
3-го полицейского участка

Кавказскаго уѣзда»

По подозрѣнію въ умышенномъ убійствѣ четырехъ человѣкъ, въ томъ числѣ и малолѣтняго ребенка, прошу объявить въ экстренный розыскъ слѣдующихъ лицъ: Мокрецова Дмитрія Семеновича (кличка Митричъ) жителя хутора Северинова, Кавказскаго уѣзда, изъ крестьянъ, 32-хъ лѣтъ, ростомъ 2 арш. 5 в. слабаго тѣлосложенія, плечи узкіе, грудная клѣтка впалая, лицо треугольное, волосъ свѣтлый прямой, въ верхней челюсти спереди справа отсутствуютъ два зуба, на правой скулѣ шрамъ, губы тонкіе, носъ прямой, глаза свѣтлыя (сѣрыя).

Макухина Тихона Ивановича, также жителя хутора Северинова, Кавказскаго уѣзда, изъ крестьянъ, 21-го года, ростомъ 2 арш. 7 в. атлетическаго тѣлосложенія, плечи широкіе, грудная клѣтка широкая, выпуклая, лицо овальное, волосъ каштановый, выющійся, зубы ровныя, губы обычные, носъ прямой, глаза каріе.

Дополненіе: Къ сему списку розыскныя карты будутъ направлены дополнительно для включенія въ розыскной алфавитъ по формѣ, установленной циркуляромъ отъ 16 марта 1907 года за №41.

Слѣдователь слѣдственной части

Кавказскаго уѣзда Екатеринодарской области

В.Л. Корчевскій

– Ну, вот и все, – положив перо на край чернильницы и откинувшись назад, удовлетворенно произнес Викентій Леонтьевич. Он с наслаждением закурил и добавил: – Аполлон Игоревич, не считите за труд, отправьте пожалуйста депешу.

– Боюсь, опоздали мы с депешей, думается мне, что они уже в Екатеринодаре. Свяжутся с такими же мерзавцами, и ищи ветра в поле, – озабоченно произнес Лавр Павлович.

– Все равно рано или поздно найдут, они не профессионалы, где-нибудь да ошибутся.

– Пока ошибутся, эти мерзавцы сколько крови за собой оставят, что мало не покажется. Ты, Викентій, прав, они не профессионалы, во всяком случае, Тихон, но помани мое слово, прибьются они именно к профессионалам и найти их будет гораздо труднее.

– Согласен, но на сегодня это все, что мы можем сделать, хотя вот еще что: на неделе я еду в Екатеринодар и постараюсь... нет, обязательно встречусь с новым начальником сыскной полиции и попрошу обратить на нашу депешу самое серьезное внимание. О нем очень хорошо отзываются.

– Я тоже о нем слышал... Пришельцев, если не ошибаюсь?

– Да, он служил на Кавказе, был полицмейстером в Елизаветполе⁴², потом в хуторе Романовском навел порядок, а теперь в Екатеринодаре, только вот имя отчество запомнил.

– Ничего страшного, сейчас Аполлон вернется, у него и спросим.

– Викентій, давай я с тобой прокачусь? У меня тоже дел накопилось в столице и с новым начальником сыска познакомиться хочется.

– Прекрасно! Едем вместе! – обрадовался следователь, и, предвкушая приятное путешествие, весело улыбнулся.

На третий день рано утром они вышли на окраину Екатеринодара. Присев на обочину, Тихон спросил:

– А в городе есть, где остановиться?

– Ты сначала в город попади, – ответил Митрич и, высморкавшись, добавил: – Сейчас вон в тех кустах сядем, будто бы отдыхаем, а потом прибьемся к кому-нибудь, и с ними пойдем.

– Зачем?

⁴² Дореволюционное название г. Гянджа (в 1804-1918 – Елизаветполь, в 1918-1935 – Гянджа, в 1935-1989 – Кировабад) – второй по площади и третий по населению город Азербайджана.

– А затем, что про наши художества уже и здесь знают, искать двоих будут, а с народом проскочим.

Минут через сорок на дороге показались две груженные подводы, на которых сидело несколько мужчин и женщин.

Когда они поравнялись с ними, Митрич крикнул:

– Доброго дня, водичкой не богаты? – и подошел к телеге.

– Держи, – ответил пожилой усатый мужик и протянул баклажку с водой.

Митрич напился, передал воду Тихону, поблагодарил и спросил:– На какой рынок путь держите?

– На Сенной хотим, – ответила сидевшая рядом и лузгавшая семечки молодуха.

– А с каким товаром?

– Всего понемногу: и сало везем, яиц сотен пять, опять же колбасы, сметаны... и еще так по мелочи.

– Поторопиться надо, – озабоченно сказал Митрич, шагая рядом с подводой. – Проходные места, где серьезный покупатель ходит, займут, а с краев особой торговли нет. У вас товар серьезный, с ним у ворот на солнцепеке не встанешь.

– Это точно, – озабоченно поддакнул мужик.

– Вот помнится, аккурат перед Пасхой... – Митрич положил руку на край подводы и начал рассказывать на ходу сочиненную историю о том, как он хорошо расторговался, но бес занес его в кабак, где он познакомился с очень хорошими и достойными людьми, но потом его отчего-то вдруг сморило, а когда он пришел в себя, то вся выручка, заботливо спрятанная во внутренний карман, куда-то исчезла.

Все беззлобно посмеялись и посочувствовали незадачливому купцу. Молодуха, которую звали Екатериной, протянула Тихону пригоршню семечек, через десять минут все уже знали друг друга, а еще через час, они вошли на окраину города и распрощались с попутчиками.

Митрич уверенно шел по пыльным улочкам, Тихон шел за ним, оглядываясь по сторонам.

– Что, не похоже на город? Погоди, это мы по окраине идем, а вот с ночлегом определимся, и завтра я тебя в центр свожу, там красота, дома все каменные и красивущие. Есть аж в три этажа!

Тихон недоверчиво мотал головой.

– Мы с тобой по Покровке идем. Сурьезнейший район, лихой, много делового люду здесь проживает, – рассказывал на ходу Митрич.

– Купцов что ли?

– Нет... тех, кто дела делает.

– Погоди, а купцы разве не делом занимаются?

– Купцы торгуют и народ дурят, а деловой люд их наказывает, – наставительно произнес Митрич, – Ничего, скоро сам все поймешь, вон видишь рынок Покровский, уже недалеко.

Минут через двадцать они подошли к небольшому кирпичному дому, густо увитому виноградом.

– Ну, слава богу, дошли, – сказал Митрич, перекрестившись на видневшиеся купола, толкнул дверь и вошел в дом.

За большим обильно накрытым столом сидело пятеро мужчин и три женщины. Не переступая порога, Митрич снял картуз и низко поклонившись, произнес: – Мир вашей хате, честные бродяги.

Разговор сразу смолк, все посмотрели на вошедших, а трое резко опустили правую руку вниз.

– И вам не хворать, – произнес один, не вынимая руку из-под стола. – Кто будешь, каким ветром занесло?

Митрич не успел ответить, как сидевший во главе стола высокий широкоплечий мужчина с приятным скуластым лицом произнес: – Погоди, Афанасий... – и, привстав, удивленно, но с радостными нотками в голосе произнес: – Митрич! Никак ты?

– Я, Антон... как бог есть Я!

Антон вышел из-за стола, подошел к Митричу, крепко обнял его и прижал к груди. Постояв так некоторое время, он повернулся к присутствующим и сказал:

– Это Митрич, проверенный годами, дорогой мне человек. За него как за себя ручаюсь.

После этих слов Митрич уже уверенно подошел к столу и поздоровался со всеми за руку.

– Угостишь с дороги? – улыбаясь, спросил он.

– О чем разговор? – также с улыбкой ответил Антон. – Екатерина, тащи чистый прибор.

– Два, – сказал Митрич. – Не один я, с другом.

Все посмотрели на Тихона, который стоял за порогом в тени коридора.

Предупреждая расспросы, Митрич произнес:

– Это Тихон, верный человек, хоть молодой, но правильный, с понятием. Мы с ним – не разлей вода.

– Ну, тогда милости просим! – не переставая улыбаться, произнес Антон и, сделав приглашающий жест, добавил: – Прошу к столу.

После небольшой суеты, всегда имеющей место, когда появляются новые люди, наконец, все расселись. Афанасий всем, в том числе и дамам, наполнил лафитнички. Антон поднялся и, глядя на Митрича, сказал:

– Удивительная штука жизнь, третьего дня вспоминал своего друга и не чаял с ним свидеться, а тут на тебе! Судьба подарок преподносит... Твое здоровье, дорогой! Очень рад видеть тебя за нашим столом! Здоровья тебе и фарта!

Все дружно выпили. Минут десять за столом царила тишина, нарушаемая стуком вилок о тарелки.

– Я и вправду думал, что тебя нет в живых, говорили, что, когда ты с этапа свинтить хотел, жандарм тебя подстрелил, – сказал Антон, вновь наполняя рюмки.

– Подстрелил, да не совсем, он в руку пониже плеча попал, а я с обрыва в реку упал. Фараоны смотрят на воду, ждут, когда вынырну, а на берегу ракита старая корнями в воду росла. Пока они бежали, я под корни поднырнул и сидел там, как сула⁴³ в омуте, пока им ждать не надоело. Они ушли, а я еще до темноты водяного изображал. Потом вылез, нажевал подорожника. Залепил рану, благо, навывлет пуля прошла, и начал домой пробираться.

– Не боялся, что дома ждать будут? – с улыбкой спросил Антон.

– Нет, я так рассудил, что конвойщикам нет резона докладывать, что арестованный сбег, за это с них голову снимут. Они, суки трусливые, начальству скажут, что подстрелили, а тело водой унесло, благо, течение там быстрое, водовороты и омуты имеются. Ихнему начальству побег тоже ни к чему. Поорут на нерадивых, да успокоятся. И потом, меня же за кражонку мелкую взяли, что это для них? Так... мелочь, – сказал Митрич и, опрокинув рюмку, смачно захрустел соленым груздем.

– Получается, что тебя и в розыск не подавали, как невинно убиенного, – засмеялся Антон. – Так ты получается чистый совсем?

– Да, как агнец божий, – сказал Митрич, и нарочито сконфузившись, с улыбкой добавил. – Грех на мне Антон перед лягавыми, большой грех.

– Да не может такого быть, что ж ты еще учудил?

– За недельку до того как меня взяли, я у одного чудика лопатник принял⁴⁴, там денег было трохи и паспорт, – скромно продолжал Митрич. – Дома глянул в него, а там все на меня

⁴³ Сула – судак.

⁴⁴ Принял лопатник (жарг.) – украл бумажник.

похоже и пожалел скидывать, стал с собой носить. Когда меня заарестовали, то даже фамилии не спросили. Прямо с паспорта, стряпчий, молодой дурачок, протокол начал писать, а я, грешная душа, смолчал, что паспорт не мой, и вот теперь бедный Никифор Сазонов раков кормит, сам того не ведая, а я с вами сижу и водочкой наслаждаюсь.

Когда Митрич с постной физиономией закончил рассказ, за столом раздался неудержимый гомерический хохот. Смеялись до слез, хлопая себя по коленям, каждый норовил чокнуться с ним и сказать что-нибудь одобрительное.

Наконец все успокоились, откуда-то на столе появился жареный поросенок, и обед, незаметно перешедший в ужин, вновь разгорелся с новой силой.

– Ты надолго к нам? – Неожиданно серьезно спросил Антон.

– Если сгожусь на что, то надолго... Нам с Тихоном назад ходу нет.

– Что, очень горячо? – Заинтересовано спросил Антон, а сидевший рядом молодой парень, примерно одних лет с Тихоном, которого звали Иваном, спросил: – Что за дело сработали?

– Да так, пошалили немного, – криво улыбнувшись, ответил Митрич.

Антон неодобрительно посмотрел на Ивана и сказал:

– Надо – сами расскажут, – и, повернувшись к Митичу, приобняв его за плечи, с чувством произнес: – Сгодишься, ой, как сгодишься! Хорошие дела намечаю.

Подойдя ко двору, Авдей понял, что случилось страшное. Он стоял перед хатой, не решаясь переступить порог. Вдруг на его плечо легла рука:

– Держись, Авдей... большое горе у тебя, – раздался голос соседа Гаврилы. – Нет больше Дарьи.

– Как нет? – переспросил Авдей, уже понимая нелепость вопроса.

– Третьего дня схоронили. Пойдем ко мне, поешь с дороги.

Когда они вошли, Елена, жена Гаврилы, со скорбным, соответствующим ситуации лицом, сразу выставила на стол бутылку с самогоном.

– Ты еды поставь сначала, человек с дороги... а потом уже горилку тащи, – и добавил: – Вот дура баба.

– Ты бы лучше слил ему, если человек с дороги, а потом уж дурой называл. Бутылку ближе всего стояла, вот первая на стол и попала, – беззлобно сказала Елена, протягивая чистое полотенце.

Первую рюмку выпили молча. Когда закусили, Авдей сказал:

– Я в хату не успел войти, увел ты меня оттуда... Спасибо тебе, Гаврила. На стене от огня подпалины видны... неужели угорела?

– Убили ее, – просто ответил сосед.

Ледяная волна прошла по спине Авдея, и он весь покрылся липким потом.

– Как убили??? У нас в станице сроду такого не было... там и брать нечего, – мысли лихорадочно забегали. – Неужели насильники?

Неожиданно громко зарыдала Елена:

– Изверги, убийцы проклятые, убили. Ни ее, ни ребеночка не пожалели, душегубы.

Авдей окаменел.

– К-какого ребеночка?

– Господи... так она ж беременная была!!! – Продолжала голосить Елена, не обращая внимания на знаки, которые подавал ей муж. – Нешто ты не знал?

Он с трудом справился с накотившим на него приступом звериной ярости, смешанным с болью утраты. Он знал это состояние и боялся, что сейчас поденный рабочий Авдей в одночасье превратиться в матерого преступника, главаря банды, проходившей в делах оператив-

ного учета под названием «Степные дьяволы» и наводившей страх на всю Кубанскую область и Черноморскую губернию.

Судорожно выпив подряд две, до краев наполненные стопки, заботливо поднесенные хозяйкой, он почувствовал, как стальная хватка, сжимающая его изнутри, начинает ослабевать.

– Спасибо, Гаврила... и тебе Елена спасибо... пойду я, – сказал Авдей.

– Куда ты пойдешь? Оставайся, переночуй, а с утра займешься делами.

– Какими? – криво ухмыльнулся Авдей. – До темноты еще далеко, сейчас зайду в хату, потом на кладбище и к становому, а потом в город... не смогу я здесь. Еще раз спасибо, – и, перекрестившись на икону, шагнул к порогу.

– погоди, я с тобой, не хорошо тебе сейчас одному быть, – искренне сочувствуя, сказал Нарыжный, надевая картуз.

– Не надо, Гаврила... хочу один побыть, – ответил Авдей, пожимая на прощанье руку.

– Ну, хоть вечером, перед уходом зайдешь, поешь, я тебе в дорогу соберу и расскажу, как хоронили, – сказала Елена.

– А я знаю, как хоронили... по-христиански, как положено. Слава богу, народ у нас в станице порядочный, в горе не бросят. На свадьбу еще могут не прийти, а на похороны все собираются, – печально улыбнувшись, сказал Авдей и, спохватившись, добавил: – Елена, спасибо тебе, что напомнила. – И достав сторублевую купюру, положил на край стола. – Не знаю, когда приеду, присмотри за могилкой.

Женщина замахала руками:

– Побойся Бога, Авдей, заberi деньги, и без этого догляжу.

– Я знаю... вы подругами были, только и ты меня пойми. Это единственное, что я могу сделать для Дарьи, – и, порывшись в кармане, протянул хозяйке золотую цепочку. – Возьми на память. Даше вез, да вот не довез. И, предупреждая сопротивление хозяйки, произнес: – Возьми, пожалуйста, не обижай напоследок.

Елена, смахнув слезы, взяла подарок. Авдей обнял на прощание Гаврилу и вышел за порог.

Из хаты вышел совсем другой человек: собранный, жесткий и готовый к мести.

Ужин набирал обороты. Никогда еще Тихону не было так интересно. Одна из девушек, которую все называли Алей, ухаживала за ним, подкладывая на тарелку вкусные кусочки, сосед справа следил, чтобы рюмка не пустовала. Откуда-то появилась гитара, и Иван не лишенным приятности баритоном запел «По диким степям Забайкалья». Один из присутствующих – взрослый мужик по кличке Семафор – достал серебряную коробочку, положил ее на стол и сказал:

– Угощайтесь, уважаемые.

Все оживились и потянулись к табакерке, каждый, в том числе и Митрич, взяли по щепотке белого порошка, дорожкой насыпали кто на руку, а кто прямо на стол и начали втягивать его носом.

Тихон обалдело посмотрел на это и шепотом спросил у Али:

– А чевой это?

Она посмотрела на него, как на несмышленного малого ребенка, и, улыбнувшись, ответила:

– Марафет⁴⁵. Причаститься не желаешь?

Он смущенно улыбнулся и отрицательно показал головой.

Веселье нарастало с каждой минутой. Дружно и задорно хором спели похабные частушки, и Тихон усердно подпевал, стараясь попасть в такт. Аля с Елизаветой начали танце-

⁴⁵ Марафет (жарг.) – кокаин.

вать загадочный танец, основным элементом которого было высокое задиранье ног. Семафор вышел в сени и принес еще четверть водки. Тихон обратил внимание на необычную походку: он шел с опущенными плечами и приволакивал обе ноги, казалось, что эти ноги живут отдельно, никому неведомой жизнью. Затем Иван, выпив рюмку, запел:

Идет он усталый, и цепи звенят;
Закованы руки и ноги.
Спокойный, но грустный он взгляд устремил
Вперед по пустынной дороге.

Полдневное солнце нещадно палит,
И дышится трудно от пыли,
И вспомнил он живо о тех, что пред ним
Дорогою той проходили.

Тоскою смертельною сжалась грудь,
Слезой затуманились очи...
А жар все сильнее, и думает он:
"Скорее бы холода ночи!.."

Нагрелися цепи от жгучих лучей
И в тело впились змеями,
И льется по каплям горячая кровь
Из ран, растравленных цепями.

Но он терпеливо оковы несет:
За дело любви он страдает,
За то, что не мог равнодушно смотреть,
Как брат в нищете погибает.

Голос у него был неплохой, пел он с душой, и было видно, что все, о чем он поет, ему хорошо известно. Когда он закончил, все утерли слезы и дружно выпили за тех, кто сейчас на киче парится⁴⁶.

После жалостливой песни и под воздействием кокаина веселье несколько поутихло, и начались разговоры о том, как сделать поддержку на этапе какому-то Сереге Жуку, который, в общем-то, правильный парень, но из-за своей марухи⁴⁷ погорел.

Семафор глянул тяжелым взглядом на девок, сказал:

– Всю жизнь понять не могу, чего от вас больше: пользы или мороки?

– Конечно пользы, Семафорушка. Кто вас, усталых, приголубит и обласкает? – ласково обняв его, проворковала Елизавета.

– И то верно, – вздохнул Семафор и, наколол на вилку маленький соленый огурчик, внимательно осмотрел его и с аппетитом съел.

– Однако время позднее, пора ложиться, – широко зевнув, произнес Антон. – Девоньки, гостям нашим постелить не забудьте.

В небольшом с виду доме оказалось неожиданно много комнат. От массы новых впечатлений Тихон не мог заснуть. Увидев, что Митрич тоже не спит, он спросил:

– А почему Семафор так ходит, будто его ноги не держат?

⁴⁶ На киче парится (жарг.) – отбывает наказание.

⁴⁷ Маруха (жарг.) – подруга, любовница.

– Это от кандалов, пять лет он в них проходил. Они тяжеленные, походку меняют, мышца дряблеет, и кости тонкими становятся. Ему и в городе появляться нежелательно, любой мало-мальски грамотный сыскарь враз кандальника по походке срисует.

Подойдя к своему двору, Авдей остановился, готовый к тому, что чугунка не увидит. Собравшись с духом, он толкнул дверь и остановился на пороге. Комната изменилась. Хотя все вещи были на месте и везде был идеальный порядок, она казалось не жилой.

Авдей огляделся вокруг, и остановил взгляд на печной полке... Чугунка не было. Быстро обыскав комнату с тайной надеждой, что Дарья все-таки убрала его в более укромное место, он все понял, тяжело опустился на лавку и, обхватив голову обеими руками, глухо завыл. Только сейчас в полной мере Авдей ощутил всю горечь утраты. Если бы его в этот момент спросили, о чем он больше скорбит: об убитой беременной жене или награбленных сокровищах, он не смог бы ответить.

Посидев около получаса и немного успокоившись, он вновь уже более внимательно осмотрел горницу и окончательно убедился, что чугунок исчез.

Авдей никогда не курил в хате, но сейчас скрутил козью ножку. Однако сразу вышел на крыльцо, присел и задумался, глубоко затягиваясь крепким самосадом. Мысли перескакивали с одной на другую, и ничего путного в голову не лезло.

Докурив, он встал и пошел в правление, где находился кабинет становой пристава. Когда он вошел, Лавр Павлович встал из-за стола, сделал пару шагов навстречу и, приобняв за плечи, сказал:

– Мужайся, Авдей... все равно надо жить, как бы погано на душе не было. Время – хороший лекарь, ты еще молодой... Бог даст, один старость не встретишь. Дарья – чудесная женщина была, Царство ей небесное!

Лавр знал, что ему предстоит этот разговор и заранее подготовился. Про себя он твердо решил, что ни в коем случае он не будет говорить о том, что несчастную перед смертью пытали, и не упомянет о беременности. Конечно же, он опасался, что Авдей узнает подробности от вездесущих баб, но тут уж на все воля Божья.

– Похоронили супругу достойно, вся станица была, – продолжал Лавр и спросил: – На кладбище еще не сходил?

– Нет, – ответил Авдей и тут же спросил: – Как она умерла?

– Сразу, – твердо ответил становой пристав и про себя добавил: «Прости, Господи, за ложь, во благо человека творю ее». А вслух сказал: – Она стояла у кровати, готовилась ко сну. Тихо сзади подошли и ударили по голове, она и понять ничего не успела.

– А кто мог это быть? В станице таких душегубов вроде не было?

– Не было и нет, – ответил Лавр Павлович. – Думаю, залетные. Ищем их и обязательно найдем.

О своих подозрениях в интересах дела он решил не распространяться.

– Надо бы опросить его, а протокол к делу приобщить, – вдруг подумал он. – Присядь, Авдей, поговорить надо.

– Под протокол?

– Смотри, какой грамотный, – улыбнулся пристав. – Порядок такой... Ты был дома, что-нибудь пропало?

– Чему там пропадать? Ничего такого, из-за чего человека жизни лишать, не было. Так, тряпье и барахло, как в любой хате.

– А конфликт, то есть ссора, с кем-нибудь была? Может, кто отомстить решил?

– Нет, ну, пару лет назад, в трактире на Пасху Федору по уху съездил, кто за это на такое дело пойдет? Если на Руси из-за кабацких драк жен резать станут, рожать некому будет.

– Тоже верно, – задав еще несколько ничего не значащих вопросов, Лавр Павлович дал подписать протокол и спросил. – Здесь останешься?

– Нет, в город подамся... здесь не смогу, может, потом...

– За домом пригляд нужен, пустой будет стоять – быстро обветшает.

– Ничего, Гаврила с Еленой присмотрят.

– Как тебя в городе найти?

– Не знаю еще... Может, на котельный к Гуснику⁴⁸ устроюсь или к Аведову⁴⁹ на маслобойню, еще товарищ на гончарно-трубный завод звал, который около Дубинского рынка... без работы не останусь.

– Хорошо. Если вдруг что вспомнишь, сообщи. Зайдешь в любой полицейский участок к дежурному, они знают, что делать.

– Пойду я, – сказал Авдей, поднимаясь. – Хочу до темноты на кладбище зайти и на станцию успеть.

– До свидания, – произнес пристав. Он встал, и, пожимая руку, добавил: – Помни, жизнь продолжается, хотим мы этого или нет.

Авд ей кивнул на прощание и вышел на улицу.

Когда дверь закрылась, Лавр Павлович облегченно вздохнул, сел и с удовольствием закурил, радуясь, что тяжелый разговор окончился.

Кладбище было недалеко, почти сразу за околицей. Подойдя к воротам, Авдей перекрестился и вошел за ограду. Он, конечно, не знал, где похоронена Дарья, но предполагал, что она будет лежать рядом с бабушкой, и не ошибся.

Еще издали он увидел свежий холмик со светло-желтым крестом, полностью засыпанный еще не успевшими завянуть цветами.

Ведь обещал ей: – Еще чуток и шабаш! Хотел ее за границу повезти, мир показать! Париж и Варшаву хотела посмотреть. Еще смеялась, купе первого класса просила! Вот теперь твое купе, Дарюшка, навсегда... Не в силах сдержаться от нахлынувших воспоминаний, Авдей ничком упал на могилу и зарыдал в голос.

– Поплачь, дорогой, нельзя держать в себе горе, нутро разорваться может. Поплачь, тебе легче станет, – услышал он голос Гаврилы, который подошел сзади, присел и обнял его за плечи.

Авдей повернулся и, как ребенок, уткнулся ему в грудь, продолжая рыдать. Гаврила молча стоял, поглаживая его по спине. Через несколько минут, увидев, что рыдания становятся тише, сказал:

– Ну, будет, садись, помянем твою супружницу и мою соседку.

Он достал из заплечного мешка бутылку самогона и нехитрую закуску.

– Как ты меня нашел?

– Ты же сам сказал, что после станowego на кладбище придешь, я и ждал. Как от него вышел, пошел за тобой. Сразу не объявился, знал, что тебе одному побыть треба. Думал попозже подойти, но не сдержался, уж больно ты убивался.

– Спасибо, – сказал Авдей, благодарно сжав ему руку.

– Скажи мне, как все случилось?

Гаврила, идя на кладбище и предварительно посоветовавшись с женой, твердо решил ничего не говорить про изуродованную руку и следы пыток, все это было известно всем от вездесущих бабок, обмывавших тело. Сделав вид, что занят наполнением стопок, спросил:

– А тебе разве пристав не рассказывал?

⁴⁸ «Котельный и машиностроительный завод» К.Л и В.К. Гусников основан в 1886 г. Впоследствии на его базе был создан завод «Тензоприбор».

⁴⁹ Иван Авакович Аведов – легендарный российский предприниматель, признанный мировой эксперт в области производства растительного масла

– Рассказывал... говорит, что сзади ударили и все, – Авдей, сделав усилие, проглотил комок в горле.

– Да, так оно и было, – подтвердил Гаврила. – Пристав со следователем и доктором все там излазили, следы искали. Если он так сказал, значит, так оно и было.

– А кто-нибудь из местных мог?

– Нет, – излишне твердо ответил сосед, глядя на импровизированный стол. – У нас таких гадов сроду не водилось. Кровянку друг другу пустить с перепоя или спереть чего – это могут. Но таких варнаков на моей памяти не было.

Несмотря на то что, по станице ходили разговоры об исчезновении Тихона и Митрича, Нарыжный решил об этом не говорить. «Не пойман – не вор», – рассуждал он, тем более что Тихон никогда не давал повода усомниться в его благонадежности, да и Митрич ни в чем дурном замечен не был. Так, голь перекатная, да и только.

Если бы разговор происходил в другом месте, Авдей, безусловно, обратил бы внимание на опущенные глаза и излишнюю твердость в тоне собеседника, но около могилы единственного близкого человека это прошло мимо его сознания.

Они встали и пошли к выходу. Когда подошли к дому Гаврилы, уже смеркалось.

– Может, все-таки заночуешь, куда на ночь глядя? – спросил Гаврила, опершись на плетень.

– Нет... пойду. По прохладе идти легче. Очень я тебе благодарен, что не оставил одного. По гроб жизни буду помнить.

– Не стоит оно того, да и иначе нельзя было, – засмутился сосед. – Тут тебе Елена в дорогу собрала, – добавил он и, сунув руку в мешок, вытащил узелок с едой.

– Спасибо, – растрогано сказал Авдей и взял узелок.

Соседи обнялись, и Авдей, не оборачиваясь, широко зашагал по проселочной дороге.

Конечно, у него не было особого желания в одиночку идти по темноте, но ему очень хотелось побыть одному и спокойно обо всем поразмыслить.

«О чугушке кроме меня и Дарьи никто не знал – это раз. Хабар не общаковый – это два. Дарья проговориться не могла – это три, – думал он. – Мечь? Тогда кто? В коdle некому на меня зло держать. Кто-то из соседок случайно залез в чугунок? Маловероятно, растрезвонила бы на весь свет, хотя кто знает?».

Несмотря на то, что к нему вернулась способность рассуждать логически, он и думать не мог, что причиной были всего-навсего его отлучки, якобы на сезонную работу, а убийцами были хорошо знакомые ему люди. Если бы Митричу сказали, чью жену он убил, он бы сам повесился со страха. Ему и в голову не могло прийти, что Авдей – непререкаемый воровской авторитет, о котором все серьезные люди, не говоря уже о всяких сявках, говорили с уважением, понизив голос, – живет с ним в одной станице, под видом простого крестьянина, и в поисках работы мотается по всей губернии.

Добравшись до Галины, он наскоро перекусил, поспешил на вокзал и первым поездом уехал в Екатеринодар.

Митрич проснулся рано, после вчерашней попойки очень хотелось пить, и он прошел в зал, где на столе, как твердо помнил, стоял жбан с квасом. В гостиной было убрано и застелено свежей скатертью, на которой попыхивал горячий самовар, стояли вазочка с вишневым вареньем, розетка с медом, сахарница и красивое, разукрашенное красными розами блюдо с баранками. В центре этой идиллической картины, уместной для добропорядочного купеческого дома, сидел Антон и, прищурившись от удовольствия, пил из белой с золотом чашки свежесваренный чай.

Он приглашающее взмахнул рукой:

– Доброго дня... присаживайся, дорогой, чифирнем⁵⁰ спозаранку?

– Я шкет не гордый, мне и вторяк⁵¹ не в падлу, – улыбаясь, ответил Митрич, присаживаясь к столу. Он налил себе чаю, положил в блюдце варенье и, сделав два длинных глотка, поставил чашку на стол⁵².

Антон улыбнулся:

– Ты прям, как на этапе, хорошо хоть мне не передал.

Митрич улыбнулся в ответ и снова взял чашку.

Минут пять они пили, молча наслаждаясь горячим ароматным напитком.

– Митрич, скажи мне, как дальше думаешь быть?

– С тобой хочу остаться, если примешь, конечно. Если нет, вернусь домой, там другие примут. Назад мне ходу нет.

– Я тебя с радостью в колоду⁵³ возьму, – сказал Антон. – Только вот я серьезные дела делаю, да ты и сам знаешь, что по мелочи никогда не мышковал. Тебя-то, я знаю, как самого себя, и на любой сходке за тебя готов слово сказать, а вот Тихон – что за человек? Давно его знаешь? Дела общие делали или случайный он? – И, положив руку ему на колено, добавил: – Ты пойми... не из любопытства праздного спрашиваю.

Митрич задумчиво прихлебывал чай и внимательно смотрел на чашку, где на белоснежном фарфоре золотилась надпись: «С днем ангела».

– Маруха подарила, Китя Колокольникова⁵⁴, в Новороссийске живет. Красивая, стерва, иностранным языкам обучает, – перехватив его взгляд, сказал Антон.

– А в Новороссийске у тебя какой интерес? – спросил Митрич.

– Пиковый, – хохотнул Антон и уже серьезно добавил: – Там тоже есть, что взять. Так что за Тихона скажешь?

– Он не деловой, понятий не знает и по-свойски не куликает⁵⁵, но на нем уже два жмура. Самолично он их кистеньком уделал. Понравилось мне, что он не со страху и не в драке первого сработал, а сознательно, знал куда шел, и со вторым не оплошал. Наш он, деваться ему некуда. Здоровый, чертяка, его и на дело, и на толковище⁵⁶ брать можно. А музыке⁵⁷ и понятиям сам научится.

– Ладно, коли так. Вот завтра его в деле и глянем.

– А что хочешь сработать?

– Думал, вечером скажу, да ладно, если уж серьезный разговор пошел. Купец-грузин недалеко от центра есть. Жена еще в Тифлисе, он с работником живет. Цинканули⁵⁸ мне, что он расторговался тремя подводами мануфактуры и собирается опять закупать. Значит, хрусты⁵⁹ при себе держит. Пока не потратил, надо в гости наведаться.

– Да... здесь с умом надо сработать. Фатера⁶⁰ в центре, говоришь? Значит, чтоб пикнуть не успели, – задумчиво сказал Митрич, почесывая бровь.

⁵⁰ Чифирнем (жарг.) – выпьем чифирь: напиток, получаемый вывариванием высококонцентрированной заварки чая. Очень популярен в местах лишения свободы.

⁵¹ Вторяк (жарг.) – вторично заваренный чай.

⁵² По тюремным правилам чифирь пьют в два глотка, затем передают соседу или ставят на стол.

⁵³ Колода (жарг.) – кодла, банда, шайка.

⁵⁴ Реальное историческое лицо. Китти Юльевна Колокольникова, представительница «высшего света», содержательница воровской «малины» в г. Новороссийске («Очерки истории ОВД Кубани» под редакцией профессора В.Н. Ратушняка, стр. 496.)

⁵⁵ По-свойски не куликает (жарг.) – не владеет воровским жаргоном (феней).

⁵⁶ Толковище – встреча криминальных элементов, предполагающая решение вопросов с применением физической силы.

⁵⁷ Музыка (жарг.) – жаргон, феня.

⁵⁸ Цинкануть (жарг.) – дать знать.

⁵⁹ Хрусты (жарг.) – деньги.

⁶⁰ Фатера (жарг.) – квартира.

Паровоз коротко свистнул, выпустил клуб белого пара, зашипел, и состав медленно тронулся. Друзья посмотрели друг на друга и, откинувшись на спинки дивана, весело рассмеялись. К предстоящему путешествию они подошли очень ответственно. На столике призывно позванивало полдюжины бутылок пива Санценбахера⁶¹. Ожидая сумерек, скромно притаилась в углу бутылочка замечательного коньяка «Сен-Реми».

Познакомившись в станционном буфете с двумя совершенно очаровательными курсистками-бестужевками⁶², они угостили их зельтерской водой⁶³ и напросились гости, а теперь сообща решали, как скоро после отправления будет удобно нанести визит.

– Давай Лавруша, пока холодненькое! – сказал Викентий Леонтьевич, протягивая приятелю запотевшую длинногорлую бутылку темного стекла.

Лавр наполнив кружку, сделал два больших глотка, удовлетворенно произнес: «Хорошо!» и, отхлебнув еще, добавил:

– Очень хорошо. Чудесное пиво. Я такого не пробовал. Откуда оно?

– Коллега по служебным делам находится в Одессе и с оказией прислал. Знает, что я любитель.

– Весьма кстати, – ответил Лавр и, одним большим глотком опустошив бутылку, сказал:

– Ты знаешь, я недавно читал, что в Петербурге начали строительство завода «Первого всероссийского товарищества воздухоплавания»⁶⁴. Представляешь, у России будут свои аэропланы!

– За авиацией будущее, только жаль, некоторые этого не понимают! Летательным аппаратам можно найти применение во всех сферах деятельности.

– Даже в полиции?

– Всенепременно! Помнишь убийство двух крестьян и ребенка на дороге? А теперь представь, что вахмистр не посылает к нам верхового, а, не слезая с коня, берет телефонную трубку и передает информацию тебе. Ты едешь на летное поле, с авиатором взлетаешь вверх и орлиным взором обзираешь окрестности. Обнаруживаешь бандитов, передаешь сообщение на землю ближайшему патрулю и все!

– А куда вахмистр телефон в степи включать будет? Кобыле под хвост? – саркастически ухмыльнулся Лавр.

– XX век на дворе, придумают, куда включать. Вообще, все технические новшества в первую очередь должны поступать в полицию. Невозможно раскрывать преступления, не идя в ногу с прогрессом, – произнес Викентий Леонтьевич.

– Скажи, Викентий, почему преступники, как грибы, растут? Одного посадишь, двое появляются?

– Ну, положим, не двое, хотя рост, конечно, имеется. Здесь события 1905 года сыграли большую роль.

– Причем здесь революция? Этот подонок, когда мальцу глаза выкалывал, о социализме что ли думал?

– Нет, безусловно, он к марксистам никакого отношения не имеет, но неизбежный спутник социальной вражды и революционных потрясений – это рост преступности. Какой бы суп

⁶¹ Одесский пивоваренный завод Санценбахера был основан в 1883 году.

⁶² Бестужевские курсы – высшие женские курсы в Санкт-Петербурге (1878-1918). Одно из первых женских высших учебных заведений в России.

⁶³ Зельтерская вода – в дореволюционной России зельтерской называли столовую минеральную воду или просто газированную воду. Название произошло от источника Нидерзельтерс, который впервые упоминается в 1536 году.

⁶⁴ В 1909 году юрист С.С. Щетинин, увлекшись авиацией, приступил к созданию первого авиазавода в России. Получив от военного ведомства денежную ссуду, он основал первое авиационное производство: небольшую мастерскую в Санкт-Петербурге, получившую название «Первое Российское Товарищество Воздухоплавания».

в котле политики не варился, хороший или плохой, на поверхность всегда всплывает криминальная пена. Ты ее шумовкой собираешь, а она сквозь дырочки проползает. Вроде бы всю собрал, а что-то обязательно останется.

– И чем сильнее суп кипит, тем пены больше, – задумчиво произнес Лавр Павлович.

– Правильно! Пока существует общество, будет и преступность. Я не знаю, какой она будет в будущем, но она будет.

Незаметно наступил вечер. В купе зажгли освещение, и сразу стало очень уютно. Приглушенный свет разливался по синим занавескам и, колеблясь, отражался в маленьких коньячных рюмках. Мелодично, в такт колесам, позвякивали ложечки в стаканах с чаем. За темным окном мелькали редкие огоньки.

Друзья обсудили массу проблем: – аграрную реформу, роль Транссибирской магистрали в развитии Сибири и совсем забыли о двух молоденьких курсистках, которые тщетно прождали их весь вечер.

Когда коньяк был выпит, они вспомнили, что завтра предстоит серьезный день, и легли спать.

К обеду весь народ собрался в гостиной. Тихон обратил внимание на то, что, несмотря на обилие еды, спиртного на столе не было. Все были сосредоточены и серьезны. Обед протекал в молчании. Когда все поели и закончили пить чай, Антон сказал:

– Сегодня грузина⁶⁵ на уши будем ставить. У него хрустов богато, расторговался удачно, живет один с работником, семья покуда в Тифлисе. В шесть вечера собираемся. Я и Митрич у богадельни⁶⁶. Тихон и Иван, через часок уйдете на Красную, на рынок загляните. Там погуляйте, посмотрите, можете по стаканчику вина выпить, но не более, – и погрозил пальцем, – Катя с Алей с шести часов поодиночке начинают пасти хату. Когда нас увидите, дайте знак, что все чисто. Первыми идете вы, – Антон указал пальцем на Ивана. Тот согласно кивнул.

– Заходите, как последние покупатели, ровно в семь, и сразу по рогам, чтоб не пыхнулись. Главное, глядите, чтоб орать не начали. Через минутку и мы появимся. Антон взглянул на девок. – Вам ходить кругами на стреме. Как мы с хабаром выйдем, цинк дадите⁶⁷, что фараонов рядом нет. Уходим так, как и пришли. Кому что не ясно?

– А я? – с обидой спросил Семафор.

– А ты самовар к нашему приходу раскочегаришь, – сказал Антон.

– Вот так всегда, кому две горбушки, а кому от хера ушки! – опечалился Семафор.

– Не бойсь, долю свою получишь, когда я кого обидел?

Иван хлопнул Тихона по плечу:

– Кончай чай гонять, пойдем, прошвырнемся. Город тебе покажу. Быстро собравшись, Тихон вышел на улицу, где на лавочке около калитки уже на лавочке Иван и курил папиросу.

Увидев Тихона, он встал, отшвырнул окурки и, хлопнув слегка по плечу, весело сказал:

– Пошли! Экскурсию тебе делать буду.

Несмотря на все старания, экскурсовод из Ивана был никакой. Стоило пройти мимо питейного заведения, которых вокруг было в достатке, как сразу начинался эмоциональный рассказ о попойке или драке, в которой он принимал непосредственное участие, выпив все и победив всех. Тихон все время ждал, что Иван предложит зайти в один из трактиров, но тот

⁶⁵ Убийство купца Швангулидзе и его работника было совершено в Екатеринодаре в 1909 году («Очерки истории ОВД Кубани» под редакцией профессора В.Н. Ратушняка, стр. 476).

⁶⁶ Богадельня для одиноких престарелых казаков и церкви во имя Божьей Матери Всех Скорбящих Радости. Строительство двухэтажного больничного корпуса с церковью и часовней в центре началось в 1836г. В настоящее время 1-я городская клиническая больница.

⁶⁷ Цинк дать (жарг.) – подать сигнал.

стойко проходил мимо призывно открытых дверей. «Во как Антона слушает», – с уважением подумал он.

Увидев трамвай⁶⁸, Тихон в изумлении остановился, и, приоткрыв рот, долго разглядывал ярко раскрашенные вагоны.

– Садись, прокатимся, – позвал Иван, но Тихон отрицательно помотал головой.

– Давай, не дрейфь, – покровительственно произнес Иван и подтолкнул Тихона к двери с маленькими ступеньками и красивыми поручнями. Вагон звякнул и тронулся, Тихон замер, боясь пошевелиться. Проехав пару остановок, они вышли около Нового рынка⁶⁹.

Иван достал часы на толстой серебряной цепочке:

– Еще часок у нас есть. Идем на рынок кваску попьем и съедим чего-нибудь.

Подойдя к торговке пирожками, Иван, осклабясь, спросил:

– А что кошек рядом не видать, на начинку пошли?

– Тьфу на тебя, оглоед! Бога побойся, намедни мясо с бойни брала!

– Ладно, не хипишуй! Дай по парочке на брата! – И протянул деньги.

– На здоровье, сынки! Съешь – и еще захочешь, верно говорю! – увидев деньги, бабка сразу заулыбалась, ловко завернула пирожки в вошеную бумагу и протянула Ивану.

– Не обманула старая, есть можно, – сказал Тихон, доедая последний пирожок.

– Да, бог даст, не отравимся, – поддержал его Иван. – Идем, сладенькой водички с пузырьками попьем.

Подойдя к маленькой будке, Иван купил две бутылочки воды «Фиалка» и, с легким хлопком откупорив одну, протянул Тихону. Тот сделал большой глоток и закашлялся. Ароматный шипучий напиток ударил через гортань в нос.

– Она же с газом! Эх ты, деревня! – с улыбкой сказал Иван. – Ее с толком надо пить, а ты, как воду из колодца, хлещешь.

Прочихавшись, Тихон снова, но уже осторожно, начал пить эту удивительную воду. Сделав пару глотков, он восхищенно помотал головой:

– Вкуснющая!!!

– А тож! Богачи знают что пить: «Фиалка» – вкусная вода. Ее на опохмел хорошо.

– А Антон у вас за главаря? Серьезный мужик! – проговорил Тихон.

– А то! Полюндра⁷⁰ правильный, баловства не допускает. С каторги бежал, смелый до ужаса, и умный... – с уважением сказал Иван. – Видал, как он грамотно все дело обставил?

– Видал... прям, как генерал перед боем.

– Так и должно быть. Любое дело подготовки требует, тогда сыскари с носом останутся. А если наобум Лазаря идти, враз заметут!

До назначенного срока еще было время, и они вышли на Красную. Проходя мимо дома с вывеской «Меблированные комнаты «ЯКОРЬ», Иван вдруг подмигнул и спросил:

– А знаешь, что здесь на самом деле? – , не дожидаясь, ответил:–«Публичный дом»⁷¹.

– Да быть такого не может! Прямо в центре? А полиция как же?

– А что полиция...? Она все знать не может, а может, хозяин на лапу дает, кто его знает? Вот сделаем дело, я тебя приодену и сюда свожу. Здесь девки сладкие, чистые, доктор их осматривает, простыни шелковые. Дорого берут, правда, но эти стервы того стоят.

– А дорого – это сколько?

⁶⁸ Первый трамвай в [Екатеринодаре](#) был пущен 23 декабря 1900 года.

⁶⁹ 3 ноября 1876 года в Екатеринодаре был открыт Новый рынок (ныне Кооперативный).

⁷⁰ Беглый ссыльнокаторжный Антон Полюндра – известный преступный авторитет на Кубани в начале XX века. («Очерки истории ОВД Кубани» под редакцией профессора В.Н. Ратушняка, стр. 478.)

⁷¹ «Закрытие притона». В центре Екатеринодара напротив Кубанского Александровского реального училища (в настоящее время – краевая администрация) владелец меблированных комнат «Якорь» господин Нестор Баиадзе устроил притон. Господин Баиадзе без суда и следствия выслал прочь с Кубани. (Газета «Кубанские областные ведомости» от 29 августа 1914 года.)

– Синенькую барышне, еще шампанское, фрукты там, шоколад, покушать чего-нибудь, себе водочки, если, конечно, желаешь, полтинничек коридорному. На круг рубликов 10-15 выйдет, а может и больше. Это смотря как гулять.

– Пятнадцать целковых! – ахнул Тихон.

– А ты как хотел? За бесплатно? Так женись и таракань жинку сколько влезет. Только надоест скоро. А здесь всегда все в диковинку. Девки в этом шалмане образованные, с выдумкой к любви подходят, – сказал Иван и вдруг, посерьезнев, глянул на часы: – Теперь пора.

Иван вдруг стал говорить отрывисто, короткими фразами.

– Я иду первый. Держишься за моей спиной, чуть правее. Дверь закрыть за собой плотно. В лавке должны быть двое: хозяин-грузин и работник. Я бью того, кто слева, ты – справа. Главное, чтоб без шума. Если твой заорет, бьешь поддых. Все понял?

– Да, – сдавлено ответил Тихон.

Несмотря на два совершенных тяжких преступления, сделавших бы «честь» любому бандиту, он все еще не мог привыкнуть к мысли, что стал профессиональным убийцей.

Они свернули на Гоголевскую⁷².

– Уже близко, – сказал Иван.

За квартал от Базовской они встретили Екатерину, которая, увидев их, стала рассматривать объявления на афишной тумбе.

– Порядок, – тихо сказал Иван.

– Почему? – еще тише, почти шепотом, спросил Тихон.

– Был бы зекс⁷³, она бы платок на голове начала поправлять. Видишь, мануфактурную лавку с витриной? – спросил Иван, чуть замедляя шаг. – Нам туда.

Неожиданно показалась Аля и прошла мимо.

– И здесь тихо, – сказал Иван, и, подойдя к двери, взялся за дверную ручку.

Стоявший за прилавком молодой широкоплечий парень с круглой, наголо обритой головой, обернулся и с улыбкой произнес:

– Извините, уже закрыто, господа, завтра с утра милости просим.

– Мы с оптовых складов, ваш хозяин место заказывал. Пригласите его, пожалуйста, – вежливо произнес Иван.

– Автандил Зурабович! – обернувшись крикнул приказчик. – к вам со склада приехали.

Из подсобки вышел пожилой полный человек.

– С какого склада? Я весь товар вывез и рассчитался.

– А вот взгляните, будьте добры, – сказал Иван и вынул из кармана замызганную бумажку. – Швангулидзе ведь вы?

– Да, – недоуменно сказал мужчина, подходя ближе. Иван, держа бумагу в руке, сделал шаг к приказчику, и, неожиданно выхватив из кармана револьвер, ударил его по голове. Тихон, подскочив к раскрывшему от неожиданности рот хозяину, с размаху воткнул кулак в мягкий живот.

Дверь тихо открылась, и в лавку вошли Антон и Митрич.

Полондра, подойдя к Швангулидзе, который все еще стоял, согнувшись, взял его за ухо, вывернул, развернул лицом к себе и участливо спросил:

– Жить хочешь?

– Да, да, дорогой, конечно, хочу! – прохрипел хозяин. Его глаза были наполнены слезами, а изо рта на жилет бежала ниточка вязкой слюны.

– Где деньги?

⁷² Ул. Гоголевская (бывшая Полицейская) – в наст. время ул. Гоголя. Ул. Полицейская стала называться Гоголевской в 1902 г., когда отмечалось 50-летие со дня смерти писателя.

⁷³ Зекс (жарг.) – опасность.

– В банке, – хрипя, ответил Автандил Зурабович.

– Бреешь, сукин сын, – ласково сказал Антон, продолжая выкручивать ухо, а потом резко, без замаха несколько раз ударил его в живот. Швангулидзе обмяк, его стошнило, но преодолевая боль, он просипел:

– В банке. Утром отнес. Клянусь! Можете проверить. В комнате квитанции.

Приказчик застонал, и, держась за прилавок, пошатываясь, стал медленно подниматься. Вдруг, схватив с прилавка металлический метр, он с размаху ударил Ивана по вооруженной руке, тот вскрикнул и выронил револьвер, который упал между ними. Ткнув Ивана метром в живот, приказчик кинулся к оружию, но Тихон успел опустить кистень на его бритый, свежескошенного цвета затылок.

– Шляпа, – коротко произнес Антон и нервно огляделся. – Давай, мордами к стене обоим.

Тихон подтащил еще живого, хрипевшего в агонии приказчика, и поставил его к стене напротив прилавка. Ноги не держали тяжелое тело, и он упал на пол.

– Подними, – приказал Антон.

Тихон с натугой приподнял его и прислонил к стене, удерживая за ворот и брючный ремень. Антон толкнул туда же хозяина и кивнул Митричу. Тот не суетясь, вынул нож, чуть отодвинул в сторону Тихона и хладнокровно как на бойне, нанес каждому по одному удару под лопатку.

– Иван, Тихон, берите кассу, а мы в комнате глянем. Давайте без суеты, но быстро. На все про все десять минут, – сказал Антон.

Когда все было сделано, Полюндра глянул на Ивана.

– Выгляни, осмотришься. Если все нормально, пройдешь мимо двери и стукнешь два раза.

– А глянуть? Вдруг кто жив?

– Ни к чему. У Митрича осечек не бывает, чай, не Иваном зовут.

Иван покраснел и выскочил за дверь. Не прошло и минуты, как раздался условный сигнал. Они вышли и разошлись в разные стороны.

В Екатеринодаре Авдей снимал полдома, адрес которого тщательно скрывал даже от самых проверенных подельников, но с вокзала он отправился не к себе, а в меблированные комнаты, где жили два самых надежных члена его небольшой, но хорошо организованной и тщательно законспирированной банды.

Предварительно оглядевшись по сторонам, он глянул на окна и, увидев задернутые шторы, смело, без стука вошел в комнату.

Аскер и Яков сидели за столом и пили пиво с азовской таранью.

Увидев своего главаря, они привстали и радостно поздоровались. Яков встал и, взяв из буфета чистый стакан и тарелку, поставил на стол.

– С приездом. Присаживайся, поешь с дороги.

Авдей молча сел, выпил подряд два стакана пива.

– Водка есть?

– Да, конечно, есть. Сейчас принесу, пей на здоровье, – сказал Аскер, вопросительно посмотрев на Якова. Тот недоуменно пожал плечами.

– На здоровье ли? – произнес Авдей, выпивая полный стакан.

Яков и Аскер переглянулись: они никогда не замечали за главарем склонности к спиртному.

После короткой паузы, во время которой Авдей даже не закусил, Аскер, вновь переглянувшись с товарищем, спросил:

– Что-то случилось Авдей? Говори, не мучь.

– Случилось... Дарью мою убили.

– Ты что говоришь, опомнись! – тихо сказал Яков.

Аскер потрясенно молчал.

– Кто??? Скажи, на куски падл порвем!!! – крикнул он вдруг громко и неожиданно.

– Если б знал, уже сам бы порвал, – горько хмыкнул Авдей и, выпив еще полстакана водки, рассказал все, что ему удалось узнать.

– Ты свою долю там держал? – осторожно спросил Яков, разминая папиросу.

Любого другого Авдей за такой вопрос сразу поставил бы на место, но Яков был его правой рукой, и он молча кивнул головой.

Яков был из интеллигентной семьи. Отец преподавал в Тамбовской духовной семинарии, а мать – в епархиальном училище. Родители были из Кракова, и он свободно говорил по-польски. Успешно окончил гимназию, поступил на факультет права в Ягеллонский университет⁷⁴, но на первом же курсе связался с боевой группой социал-демократов Королевства Польского и Литвы. Глубоко проникнувшись их идеями, для пополнения партийной кассы он украл из дома драгоценности, оставшиеся от бабки, которая, как гласило семейное предание, была старинного шляхетского рода. Родители замяли дело, и фамильные ценности вернулись в семью. Яков не успокоился и через неделю с боевой группой товарищей совершил налет на почтовую карету.

Но так как боевая группа состояла из таких же студизусов⁷⁵, не имевших даже элементарных навыков обращения с оружием, в критическую минуту у одного перекосило патрон (как потом выяснилось в ходе следствия, патроны были неподходящего калибра), а другой от волнения не смог снять оружие с предохранителя. Яков был единственный, кто открыл огонь, но от волнения попал в лошадь. Экс⁷⁶ позорно провалился, а охрана, застрелив одного из нападавших, задержала всех остальных.

Стражники получили премии и медали «За храбрость», а оставшиеся в живых неудавшиеся экспроприаторы были с позором отчислены и получили по три года каторги, где Яков познакомился с анархистами и проникся их идеей создания антигосударственного коммунистического общества при помощи социальной революции.

На второй год он совершил удачный побег с двумя ростовскими ворами. Через два месяца они добрались до Ростова. Город сразу ему понравился, и Яков решил остаться с новыми друзьями, тем более, как он подозревал, дома его никто, кроме полиции, особенно не ждал. Через полгода всю банду арестовали, но ему удалось скрыться. Кое-какие деньги у него были, но бывший студент факультета права прекрасно понимал, что без связей в уголовном мире ему долго не протянуть. Перебиваясь случайными заработками, он оказался в Екатеринодаре. Авдей увидел его в кабаке, где тот отдыхал с друзьями. Двум подвыпившим крепостянам, сидевшим за соседним столиком, не понравилась интеллигентная внешность Якова, который мирно сидел в уголке и пил чай с кулебякой, размышляя, как жить дальше.

Они начали задирать его, вначале беззлобно, но каждая шутка становилась все обиднее. Один из них, здоровый мужик с багрово-красным лицом, подошел к столику и, опершись двумя руками на стол, с гнусной ухмылкой начал говорить что-то обидное. Яков, не изменив позы, взял со стола вилку и воткнул ее глубоко в стол, намертво пригвоздив к нему рукав куртки. Мужик обалдело дергал рукой, пытаясь освободиться. Он взял другую вилку и, не повышая тона, сказал:

– Следующую воткну в глаз. Понял, вша поднарная? На кого пасть раззявил? Пшел вон, сучонок!

⁷⁴ Ягеллонский университет в Кракове основан в 1364 году. Одно из старейших учебных заведений в Европе.

⁷⁵ Студизус – студент.

⁷⁶ Экс – Экспроприация. Вооруженное ограбление с целью пополнения партийной кассы.

Авдей сразу понял, что парень свойский, пригласил его за столик и ни разу в дальнейшем не пожалел об этом. Яков имел аналитический склад ума и при разработке операций предлагал интересные решения. Он был чем-то вроде начальника штаба, и Авдей всегда прислушивался к его мнению.

– А в станице догадывались, кто ты есть?

– Нет, все думали, что я на заработки езжу.

– Мстить тебе вроде бы некому. Там не с кем не цеплялся? – спросил Яков, и, не дожидаясь ответа, повернулся и попросил: – Аскер, будь ласка, сходи к коридорному, пусть самовар закипятит свежий.

Когда Аскер вышел, Яков осторожно произнес:

– Прости, Авдей, за тяжелый вопрос, не из любопытства спрашиваю. Ее не изнасиловали? – Авдей оценил деликатность, с благодарностью глянув на Якова, отрицательно покачал головой и, сглотнув ком в горле, добавил: – Знаешь...она ведь беременная была.

– Да...дела...Упокой, Господь, ее душу, – сказал Яков. – Надо подумать...все равно найдем, с кого спросить.

Аскер, понимая, что Яков хочет переговорить с Авдеем *tête à tête*⁷⁷, тоже проявил деликатность и вернулся через двадцать минут. В руках он держал фунт чайной колбасы, полфунта сыра, каравай хлеба и жестяную коробку с леденцами Ландриновской фабрики⁷⁸.

Не успел он все выгрузить на стол, как вошел коридорный и внес попыхивающий горячим паром самовар. Они расселись вокруг стола и начали ужинать.

– Что с банком? – спросил Авдей, откусывая от бутерброда с сыром.

– Пошевелил я там жалом, – ответил Яков. – Познакомился с младшим бухгалтером, а Аскер – с курьером. Одни из серьезных вкладчиков – это Галанины, поташники⁷⁹. Их кассир еженедельно прибыль носит сдавать. Но я думаю, нам интереснее будут маслбойщики.

– Почему?

– У них заводы в Армавире и Екатеринодаре, выручку в Русско-Азиатский банк возят дважды в месяц. Взять сразу можно больше.

– Разумно... маршруты пасли?

– Огорчаешь⁸⁰... – это выражение выдавало в нем бывшего сидельца, – Все готово: – и маршруты, и охрана. – Яков тонко улыбнулся и добавил: – Надо только детали доработать.

– Много дорабатывать? За сколько закончишь?

– Думаю, за недельку закончу. Надо место точно рассчитать. Посмотреть мелочи всякие.

– А как примерно мыслишь? – заинтересованно спросил Авдей.

– Охраны там три или четыре человека, с карабинами. Брать их надо непосредственно перед банком, на конце маршрута, там они, как правило, расслабляются и мыслями уже дома. Самое главное – отвлечь внимание. И не только охраны, но и зевак, чтоб они испугались и разбежались.

– Банк ведь в центре, – задумчиво заметил Авдей.

– Да...но это не страшно. Выглядеть будет примерно так. Сначала один шпаненок разбивает издали рогаткой пару-тройку витрин. Все оборачиваются на звон. Пока не опомнились, кидают пару петард, одна из подружек визжит и поднимает шухер: «Убили!!! Бомба!!!!

⁷⁷ *Tête à tête* (франц.) – голова к голове, т.е., один на один.

⁷⁸ Ландриновская фабрика – старейшая кондитерская фабрика по производству леденцовой карамели. Основана в 1848 году Георгом Ландрином в Санкт-Петербурге.

⁷⁹ В 1902 г. в Екатеринодаре братья Галанины основали торговый дом по производству поташа (карбонат калия). В 1910 г. в Екатеринодаре было учреждено «Общество Кавказских химических заводов». Оно объединило 12 заводов с имуществом более чем на миллион рублей.

⁸⁰ В тюрьмах категорически нельзя употреблять слово «обижаешь». Обидеть – перевести в низшую ступень тюремной иерархии.

Караул!!!». Наш паренек, заливаясь кровью, падает, все внимание охраны туда, а для нас сигнал. Налетаем, валим охрану, наш прыгает на козлы, и уходим. Через два квартала все перекидываем в бричку и разбегаемся. Только за это время надо обязательно успеть сбить замки.

– Толково... Доработать детали, и может хорошо получится. А главное, что все спишут на социалистов, – сказал Авдей.

– Очень может быть, – поддакнул Яков.

– Завтра сходим вместе, на месте осмотримся.

Молча пивший чай Аскер вдруг спросил:

– Яков, а как пацан кровью залется? Кто его бить будет?

Авдей с Яковым рассмеялись.

– На бойне кровь возьмет и обольется в нужный момент.

– А-а-а, как в театре, да? – Он понятиливо заулыбался.

Они просидели еще около часа, и Аскер предложил:

– Оставайся у нас. Не надо никуда ходить, вон дождь вроде бы собирается.

Авдей с удовольствием согласился, его разморило от чая и водки, да и не хотелось оставаться одному. Аскер вышел и вскоре вернулся, неся в руках парусиновую койку. Сноровисто собрал ее и, хлопнув ладонью по туго натянутой ткани, удовлетворенно произнес:

– Как царь будешь спать!

– Через десять минут Екатеринодар, господа, прибываем в Екатеринодар, – проходя по вагонному коридору и деликатно постукивая в двери купе, нараспев говорил пожилой сивосый кондуктор в форменной тужурке, сияя начищенными пуговицами. Лавр и Викентий уже собрались и были готовы первыми выйти из вагона, но им очень не хотелось встречаться со вчерашними барышнями, так они справедливо полагали, что повели себя не лучшим образом. Подождав, когда перрон опустел, друзья вышли на привокзальную площадь, и, подождав извозчика, уселись в открытую коляску.

– Куда прикажете, ваше благородие? – спросил сидящий на облучке пожилой мужик с плутоватым выражением на побитом оспинами лице, обращаясь к Лавру.

– Давай в «Центральную»⁸¹, – сказал Викентий.

– Сей секунд! – ответил мужичок, и, лихо присвистнув, легонько стегнул каурую кобылку.

– А как там с ценами? – озабоченно спросил Лавр.

– Не волнуйся... за пару дней не разоришься. Можно подумать, мы с тобой каждый день куда-нибудь катаемся. Если что – я тебе ссужу.

– И то верно, – с облегчением ответил Лавр.

Минут через пятнадцать они подкатили в гостинице. Протягивая вознице деньги, Викентий Леонтьевич с улыбкой спросил:

– А с чего, милейший, ты взял, что мой друг – «Ваше благородие»?

Извозчик посмотрел на него, как на дурака.

– Господи! Как тут не понять? Да только слепой не увидит! Идет, как аршин проглотил, левую руку прижимает, будто селедку⁸² свою придерживает, а когда котелок поправлял, то пальцем посерединке мазнул, кокарду значит, искал, – и уверенно добавил: – Для высокоблагородия молод, само собой, а для благородия, в самый раз будет.

– Да... глаза ты, братец, – удивленно произнес Ермаков и, протягивая сверх установленной таксы полтинник, добавил: – Тебе в филеры⁸³ идти надо, цены б не было.

⁸¹ В начале XX века «Центральная» была самой фешенебельной гостиницей Екатеринодара. В настоящее время в этом здании, построенном по проекту петербургского архитектора А. А. Козлова, находятся офисные помещения.

⁸² Селедка (простореч.) – шашка.

⁸³ Филер (устар.) – сотрудник наружного наблюдения.

– Нам без надобности... и на своем месте сгодимся, – улыбнулся мужик, – А за доброе слово и щедрость вашу премного благодарен. – он слегка, без лакейской угодливости, поклонился, и, тряхнув вожжами, тронулся с места.

– Люси, между прочим, тоже сказала, что вы – офицер, – вдруг раздался сзади женский голос.

Они одновременно обернулись и увидели знакомых курсисток, которые, улыбаясь, смотрели на смущенных попутчиков.

– Доброе утро! Прошу прощения, что мы с коллегой не смогли нанести вам визит, – сдаленно произнес Викентий Леонтьевич.

– Не оправдывайтесь, мы все прекрасно понимаем! *Affaires de la patrie par-dessus tout*⁸⁴, не правда ли? – уточнила вторая, славная кареглазая девушка с вздернутым носиком, на котором премило разместились чудесные конопушки.

Корчевский откашлялся и расправил плечи:

– *Oui mademoiselle*⁸⁵, Вы безусловно правы. Если вы позволите...

– Позволим, – со смехом перебила его первая, высокая стройная девушка с прямыми, черными, как вороново крыло, волосами и чуть смугловатым лицом. – Не знаю, сколько вы пробудете здесь, а мы приехали на целый месяц. Меня звать Хельга – это настоящее имя, матушка из обрусевших немцев, а Люси – Людмила из Армавира. Нам пора, господа, надеюсь, увидимся, – и девушки, кивнув на прощание, неспешно удалились. Все еще не пришедшие в себя от неожиданной встречи друзья переглянулись.

– А при вторичном рассмотрении они еще лучше, – вдохновлено произнес Лавр.

– Безусловно... представляют «оперативный интерес», – улыбнулся Викентий. – Особенно Хельга – настоящая скво⁸⁶. Когда я встретился с ней взглядом, мне захотелось вскочить на мустанга, пальнуть из кольта и накинуть на нее лассо!

– Однако, милейший, вас зацепило! – шутливо нахмурился Лавр. – Вы меня пугаете!

– Кстати... кажется, у Майн Рида⁸⁷ я читал, что они красивы, мудры, мужественны и покорны своим мужьям.

– Кстати, господин ковбой! Мы даже им не представились! Люси тоже весьма пикантна. Конечно, желания накидывать на нее лассо у меня не возникло, а вот... – прищелкнув пальцами, Лавр помолчал и смущенно добавил: – Ладно, пойдем.

Разместившись в номерах, дороговатых, конечно, но «где наша не пропадала», они условились через час встретиться в вестибюле. Когда они вышли на улицу, Викентий произнес:

– Здесь недалеко, прогуляемся!

Несмотря на то, что Лавр неоднократно бывал в Екатеринодаре, он восхищенно оглядывался на здания. В конце концов, он не выдержал:

– Красиво, черт возьми, не то, что в нашей дыре.

– Да, – ответил Викентий. – Город расцветает! Ворота на юг, приток капитала... А культурная жизнь как кипит! Собинов⁸⁸ уже дважды приезжал, и Шаляпин⁸⁹ обязательно с гастролем в скором времени прибудет, вот увидишь!

⁸⁴ *Affaires de la patrie par-dessus tout* (франц.) – Дела Отчизны превыше всего.

⁸⁵ *Oui mademoiselle* (франц.) – Да, мадамзель.

⁸⁶ Скво – общее название женщин индейских племен Северо-Американских штатов.

⁸⁷ Майн Рид – Томас Майн Рид (1818-1883), английский писатель, автор приключенческих романов из жизни Северо-Американских индейцев. Одно из наиболее известных произведений – «Всадник без головы».

⁸⁸ Собинов – Леонид Витальевич Собинов (1872-1934), русский оперный певец. Народный артист, один из крупнейших представителей русской классической вокальной школы.

⁸⁹ Шаляпин – Фёдор Иванович Шаляпин (1873-1938), русский оперный и камерный певец, первый народный артист Республики. Получил репутацию артиста, который соединил в своём творчестве «прирождённую музыкальность, яркие вокальные данные, необыкновенное актёрское мастерство». Оказал большое влияние на мировое оперное искусство. В 1910 году по приглашению городских властей в Летнем театре Екатеринодарского городского сада состоялся единственный концерт.

Они свернули на Пospолитакинскую⁹⁰, и вдруг Викентий неожиданно остановился у небольшого аккуратного здания.

– Вот мы и пришли, – сказал он. – Здесь, в доме №63 и находится сыскное отделение, – Викентий взялся за ручку двери, но Лавр остановил его.

– Подожди, мы даже не продумали разговор.

– Ничего, главное – ввязаться в бой, – ответил тот и толкнул легко поддавшуюся дверь. Лавр шумно выдохнул и вошел следом.

В неожиданно просторном коридоре за небольшим столом сидел пожилой городской. Увидев вошедших, он привстал:

– Слушаю вас, господа.

– Следователь следственной части Корчевский и становой пристав поручик Ермаков к господину Пришельцеву.

– Одну минуточку, – сказал он и крикнул вглубь коридора: – Николай Сергеевич, к начальнику сыского, из следственной части, доложите, пожалуйста.

Через минуту к ним вышел худощавый мужчина средних лет, в пенсне, с гладкими набриолиненными⁹¹ волосами и маленькими аккуратными усиками. Коротко глянув на посетителей, он молча сделал приглашающий жест и пошел вперед. После нескольких поворотов приоткрыл одну из дверей и, сказав: «Прошу!», также молча ушел.

За столом сидел крепкий мужчина лет тридцати пяти с длинными, подкрученными по последней моде, усами под широким носом.

– Прошу вас господа, чем обязан? – Он привстал и приглашающим жестом указал на стулья.

Когда друзья уселись, Пришельцев широко улыбнулся, отчего его круглое лицо сразу стало удивительно приятным, и мягким, с легкой хрипотцой произнес:

– Я вас внимательно слушаю.

Викентий Леоньевич, откашлявшись, еще раз представился и начал:

– Недавно, около десяти дней назад, в ваш адрес из Кавказского уезда был направлен циркуляр об объявлении в розыск Мокрецова и Макухина по подозрению в убийстве четырех человек, в том числе ребенка. Мы с Лавром Павловичем полагаем, что указанные преступники находятся в Екатеринодаре, и приехали, Александр Петрович, чтобы обратить ваше внимание на особую опасность указанных лиц и подробно рассказать о деталях преступлений.

Пришельцев нажал кнопку на столе, и, когда на пороге появился уже знакомый молчаливый мужчина, отдал распоряжение:

– Николай Сергеевич! Будьте любезны, поищите циркулярку из Кавказского уезда на розыск Мокрецова и Макухина.

Потом достал пачку папирос.

– Прошу господа, угощайтесь.

Все дружно, с удовольствием закурили. Внимательно прочитав принесенную телеграмму и подколотую к ней бумагу, Пришельцев, побарабанив пальцами, сказал:

– Ну-с, хочу вам доложить. Все необходимые мероприятия по данному документу проведены. Приметы переданы околоточным и доведены до всех наблюдательных агентов, жандармов и казачьих патрулей. На установление их местопребывания ориентирован наш негласный аппарат. Если на почту поступит корреспонденция на эти фамилии, то мы сразу же будем оповещены и установим засаду.

Закурив, он добавил.

⁹⁰ Ул. Пospолитакинская – в настоящее время ул. Октябрьская.

⁹¹ Бриолин – популярное в начале XX века косметическое средство для ухода за волосами, придания им блеска и фиксации причёски.

–Весьма отратно, господа, видеть ваше искреннее радение на благо Отечества.

Затянувшись несколько раз, он раздавил папиросу в чугунной пепельнице в виде санок с запряженным медведем и вдруг спросил:

–А почему вы привязываете Мокрецова и Макухина сразу к двум преступлениям?

–Характер ранения, повлекшего смерть. В обоих случаях размеры раны совпадают. Удар предметом округлой формы, проломлены кости черепа. Диаметр раны совпадает. Все удары нанесены сверху, то есть бил человек высокого роста и большой физической силы. Макухин попадает под эти критерии. Нападение на крестьян было совершено по маршруту предполагаемого пути следования.

–Толково... очень толково, – произнес Пришельцев. – А почему не использовали служебную собаку? Зачастую это дает прекрасные результаты.

–Полностью с вами согласен, Александр Петрович! Но только по горячим следам! – ответил Викентий. – В первом случае это не дало бы желаемого результата.

–Дождь, тушение пожара, вся станица сбежалась, затоптали все, что смогли, – уточнил Лавр. – А на дороге...Мы прибыли через пять шесть часов. Если бы отправили за собакой, прошло бы не меньше восьми-десяти часов.

Улыбнувшись, он добавил:

–В степи много других соблазнов... лисы, зайцы, шакалы. Все равно, думаю, потеряла бы след.

–С места происшествия что-нибудь изымали?

– Так точно! В хате изъята бутылка с отпечатками, пригодными для идентификации, со стены сделаны соскобы крови для определения группы, это новый метод, позволяющий определить принадлежность, и зафиксирован размер отпечатка ладони. На основании, которого, собственно, и было сделано заключение о причастности Тихона Макухина. На дороге вся территория места происшествия была затоптана казачьим разъездом. При осмотре обочин нашли место засады и приема пищи. Но предметов, представляющих интерес для следственных действий, обнаружено не было.

Слегка помявшись, Викентий добавил:

–Хотел изъять огрызок огурца, следы зубов четко были видны, но он завял и рисунок стерся.

–Очень грамотно и интересно рассуждаете, – сказал Пришельцев и, вновь закурив, спросил: – Как вы думаете, почему он не выколол глаза у женщины? Ведь она тоже их видела

–Мы с коллегой думали об этом, – признался Викентий Леонтьевич, тоже закуривая. – Убив Дарью, они хотели, как можно быстрее покинуть место преступления. Жертва активно сопротивлялась и не могла сфокусировать взгляд на лице убийцы. Ребенка же душили спереди, во время агонии глаза у него были широко раскрыты и смотрели в лицо преступнику. Я консультировался по этому поводу с врачом, кстати, весьма грамотным специалистом.

–Я думаю, вы совершенно правы, коллега, полагаю, это единственно правильное объяснение.

–Благодарю вас, но эта версия вряд ли поможет розыску.

–Зато мы знаем, что убийца –жестокый, хладнокровный и циничный мерзавец, – неожиданно сказал Ермаков, довольно долго хранивший молчание.

–Абсолютно с вами согласен, – совершенно серьезно сказал Александр Петрович и, рассмеявшись, добавил: – Прошу прощения за вульгаризм, но хочу напомнить одну поговорку старых сыщиков: «Розыск вести – не гузном трясти». В нашем деле, господа, мелочей не бывает, а благодаря этим самым мелочам и раскрываются самые сложные преступления. Но... вы где остановись?

–В Центральной, – солидно ответил Лавр.

Пришельцев хмыкнул в густые усы:

–Хорошо, но дороговато.

–Мы максимум на четверо суток. Решили сделать себе маленький вояж. Когда еще в столицу выберемся, кто знает? – широко улыбнулся Викентий Леонтьевич, вставая со стула.

–Я всегда рад общению с коллегами из уездов, особенно с такими профессионалами, как вы. Держите меня в курсе, вдруг что-нибудь дополнительно накопаете. В свою очередь, обязуюсь вам первым сообщить о задержании.

Они тепло распрощались и расстались очень довольные друг другом.

Прапрадед Николая Сергеевича Шатского по отцовской линии во время русско-турецкой войны отличился в битве под Фокшанами⁹². Командуя разведывательным отрядом, у реки Путна он столкнулся с турецким дозором, значительно превосходившим их численностью и двигавшимся впереди основных сил. Умелое командование и личная храбрость командира привели к победе. Враг был разбит и понёс большие потери, что в какой-то мере и предопределило победу. Илларион Шатский был отмечен лично Суворовым, и награжден Военным орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Ему было пожаловано потомственное дворянство и небольшая деревушка в триста душ, на окраине Тульской губернии, которую дед Николая Сергеевича успешно проиграл в карты знакомому кирасиру.

Материнская ветвь вела свою родословную от мелкопоместных румынских дворян, которые искренне верили, что являются потомками древнеримского императора Нерона.

Где и как встретились два представителя славных, но бедных родов, и как они оказались в Екатеринодаре, история умалчивает, но встреча завершилось венчанием и последующим рождением маленького Николая.

Отец целыми днями пропадал в земельном комитете, где служил письмоводителем. Мать давала частные уроки музыки, и его воспитание целиком легло на плечи бабушки, которая показывала ему орден героического предка, а потом, гордо подняв высохший подбородок с бородавкой, из которой торчали четыре жестких, как проволока, волоса, напоминала ему о том, что он потомок римского императора.

В гимназии Коля учился хорошо, но в пятом классе, когда проходили историю древнего Рима, он имел неосторожность рассказать о своем «родстве с Нероном». Невинное желание поведать о своих корнях сыграло с ним злую шутку. В классе начался гомерический хохот, который не смог остановить преподаватель, смеявшийся вместе с гимназистами. На шум вошли директор и председатель попечительского совета, случайно проходившие по коридору. Выслушав сбивчивые объяснения учителя, прерываемые истерическими всхлипываниями, они присоединились к общему веселью.

К мальчику накрепко прикрепилась кличка «Нерон», и только ленивый не издевался над ним. Иногда шутки приобретали жестокий характер. Второгодник Егор, сын присяжного поверенного, принес из дома простыню и с такими же великовозрастными оболтусами завернул в нее мальчика. На голову надели венок из колючек и натерли лицо мелом. Придав вид античной статуи, его привязали в туалете, где он простоял, обливаясь слезами, три урока. От страха и позора он обмочился, что стало новым поводом для жестоких шуток. После этого случая руководство поняло, что все зашло слишком далеко и, по согласованию с родителями, его перевели в другую гимназию, где он благополучно доучился.

В седьмом классе Николай увлекся детективной литературой. Он прочел всего Конан Дойла, знал наизусть все приключения Ника Картера и Пинкертон. Криминальное чтиво определило жизненный путь, он поступил на юридический факультет и успешно его закончил.

⁹² Битва под Фокшанами – сражение, состоявшееся 21 июля 1789 года между русско-австрийской армией под командованием генерал-аншефа А.В. Суворова и турецким войском Юсуф-паши в ходе русско-турецкой войны. Высланный Суворовым разведывательный отряд в районе реки Путна столкнулся с дозорным отрядом турок, двигавшимся впереди основных сил. Турецкий отряд был разбит и понёс большие потери.

После, определившись в жандармское управление простым клерком, за несколько лет дослужился до заместителя начальника канцелярии.

Коллективная травля и глумление над славной историей рода, которая с рождения внушались маленькому Коле, имели страшные последствия. Он стал всех презирать и ненавидеть: успешных – за успехи, неудачников – за неудачи, красивых – за красоту, уродливых – за уродство, а всех вместе – за то, что они есть. Эта ненависть носила патологический характер и усиленно скрывалась от окружающих. Он был уверен в своей неординарности и полагал, что его недооценивают и всячески препятствуют карьерному росту. Похоронив отца с матерью, Николай Сергеевич остался один. У него появился новый порок: он стал пить. Он не напивался допьяна и не буянил, но, чуть-чуть выпив, он казался себе ловким, прозорливым и отважным.

Однажды в кабаке, со случайным знакомым, в пьяном угаре его занесло и, рассказывая своей значимости и незаменимости в сыском отделе, он рассказал о планируемой проверке городских притонов и гордо добавил, что все рапорта о результатах работы лягут к нему на стол. Пившие пиво за соседним столиком Антон Полюндра и бандит по кличке Карась услышали и переглянулись.

– Карасик, собирай шпану, пускай все малины обегут, народ предупредят, а я этого попасу.

На притонах полиция ничего не обнаружила, а на следующий день Антон, встретив Шатского на улице, уважительно поздоровался и пригласил в ресторан, чтобы поговорить по интересующему вопросу, представляющему взаимный интерес.

Когда он понял, кто перед ним и что от него хотят, по его спине побежала холодная струйка пота. Антон, хороший психолог, не пугал, а, напротив, говорил уважительно, но сообщил, что в случае отказа на стол начальника областного жандармского управления ляжет подробное письмо с указанием причин провала общегородской операции, а при взаимном соглашении материальные проблемы будут решены.

Николай Сергеевич выпил рюмку водки, закусил пирожком и согласился.

– Но никаких расписок, это необходимое условие, – твердо сказал он.

– Каких расписок? – хорошо изобразив удивление произнес Антон. – Мы спросили – вы ответили, мы дали – вы взяли... Дел больше нет, как бумагу марать. А про себя Антон добавил: «Ты, главное, один раз возьми, а там я тебя и без расписок к ногтю прижму».

Вербовка произошла удивительно быстро. В управлении полиции появился крот, а у бандитов – свой, хорошо информированный, источник.

– Какой прекрасный человек! – восхищенно произнес Лавр, когда они вышли на улицу.

– Да, у меня осталось очень хорошее впечатление от общения, – ответил Викентий. – Ты обратил внимание, как он сразу вник в ситуацию?

– Конечно, профессионал до мозга костей!

Переговариваясь и делясь впечатлениями, друзья незаметно дошли до центра города, и увидев небольшое кафе, решили зайти, выпить по чашке кофе.

– Ты сильно голоден? – спросил Викентий, отхлебывая ароматный напиток.

– Не особенно, – ответил Лавр.

– Сейчас четыре часа пополудни, давай часа два передохнем, а в семь встретимся в ресторане и хорошо поужинаем. А завтра займемся делами.

– Очень грамотное решение, я только за! – с улыбкой ответил Лавр и добавил: – Может и скво с подругой случайно там окажется.

– Не надейся, дамам без мужчин в обществе, тем более в ресторане, появляться неприлично.

– М-да? – усомнился Лавр. – А мне они показались довольно эмансипированными особами.

– Знаешь ли, эмансипация – эмансипацией, а правил приличия даже для них никто не отменял. Мы сегодня приглядимся и приценимся, а завтра с утра ангажируем их на вечер.

– Действительно, прицениться надо, вдруг там цены сумасшедшие, – озабочено согласился Лавр.

– Вот вечером и узнаем, – Викентий, щелкнув пальцами, подозвал официанта, рассчитался, и они направились к гостинице.

Вечер еще не начался, и в ресторане было относительно мало народу: две семейные пары, три кавалерийских офицера и двое смуглых мужчин в дорогих черкесках с золочеными газырями.

Метрдотель, высокий осанистый мужчина со скобелевской раздвоенной бородой, внешне больше похожий на генерала, чем сам Скобелев, густым басом произнес:

– Добрый вечер, господа, милости просим. Куда прикажете проводить? В зал-с или отдельный кабинет-с?

– В зал, – ответил Викентий и улыбнулся. – Будем поближе к народу. Они заняли удобное место, откуда просматривался весь зал и эстрада.

Шустрым व्यюном подскочил официант, почтительно изогнувшись, подал каждому меню и тактично отошел в сторону.

Уха ершовая съ расстегаями..... – р. 75 к.

Борщ с дьябками – р. 60 к.

Консоме с пирожками – р. 40 к.

Омар свежий, соус провансаль.....3р. –

Стерлядь по-русски..... 3 р. –

Форель гатчинская «О-бле»..... – р. 50 к.

Тюрбо отварное, соус голландский.. 2 р. 50 к.

Филе «соль-фрит»..... 2 р. 50 к.

Майонез из лососины.....1 р. 50 к.

Мясо холодное с дичью.....1 р. 25 к.

Поросенок холодный натурель.....1 р. 25 к.

Филе соте с шампиньонами.....1 р. 25 к.

Котлета Пожарская 2 р. 25 к.

Внимательно, с каменным лицом, Ермаков читал ресторанное меню, как сводку с театра военных действий

Рябчик тушеный в сметане,

с брусничным вареньем..... 1р.50.

Стерлядь, припущенная в шампанском.....2р. 50.

Хмыкнув, он перевернул страницу и продолжил вслух:

Шарлот-глясе из фисташкового мороженого....– р. 75 к.

– Это уже десерт,– уточнил Викентий Леонтьевич. – Ну, что? Определился с выбором?

– Думаю, – озабочено ответил Лавр, в этот момент он был похож на Кутузова, принимавшего решения о сдаче Москвы французам.

Подумав еще несколько мгновений, Лавр закрыл меню и решительно сказал:

– Я верю, что ты грамотно оценишь ситуацию и сделаешь правильный выбор. Заказывай!

– Значит так, милейший! – плотоядно потирая руки, произнес Викентий. – Спровоь-ка нам бутылочку Смирновской, непременно со льда, икорки паюсной, только смотри, чтоб осетровой. Рокфора тарелочку, маслин, ну и хлеба, разумеется. Далее.... Сначала борщка с дьябками,– он повернулся к Лавру. – Ты рыбу или мясо?

– Мясо, – сдержанно ответил Лавр.

– Отлично... я тоже! Тогда по Пожарской котлетке, к ней спаржу и провансаль. По расстегайчику обязательно, и пару зельтерской, на твое усмотрение, но лучше «Ром-Ваниль». Пачку Зефира⁹³.

– Имеем-с замечательный «Спотыкач» от Шустова, рекомендую-с.

Викентий оглянулся на Лавра и, с его молчаливого одобрения, кивнул.

– Хорошо! «Спотыкач». Борщок подать через тридцать минут, остальное через час. Спиртное, папиросы, воду и закуски – незамедлительно!

Лавр укоризненно произнес:

– Ты ставишь меня в неловкое положение.

– Не переживай, за два часа до убытия на вокзал я получил депешу, что в Новониколаевске скончалась моя двоюродная бабушка Елизавета Николаевна. Я и брат – единственные наследники. Не знаю, какая сумма в наличности, но там неплохая недвижимость. Думаю, рассчитаться за обед хватит.

– Соболезную и одновременно поздравляю! – искренне произнёс Лавр, он действительно был рад за товарища. – Но, наверное, твое присутствие необходимо там?

– В принципе да, но туда выехал брат, он адвокат и утрясет все вопросы.

Появился официант и сноровисто расставил на столе тарелки с закуской, бутылку на красивой, в виде пушечного лафета, подставке и пачку папирос. Поставив ними по небольшой пепельнице, он наполнил рюмки и удалился.

– Помянем рабу божью вновь представленную Елизавету Николаевну, да будет земля ей пухом, – сказал Лавр.

– Да... хороший она была человек, жаль, своих детей бог не дал, на меня с братом всю душу и положила. Жила достойно и ушла в почтенном возрасте. На 85-ом году уйти, знаешь, не каждому дано.

Они выпили, не чокаясь.

Зал постепенно заполнялся разномастной публикой, в основном купеческого сословия. На пороге, резко распахнув дверь, появился крупный, одетый в хорошую пиджачную пару мужчина с эффектной блондинкой. Остановившись на пороге, он оглядел зал налитыми кровью глазами и рявкнул:

– Я смотрю, меня здесь не ждут!

Официант и метрдотель подскочили одновременно:

– Как не ждут? С самого открытия ожидаем, – сказал метр.

– Да-да, точно так-с! И мне наказали, как Владислав Владимирович придет, уделить первостепенное внимание, – льстиво подтвердил официант.

– Ой, брешешь, Семка! – нарочито сурово проговорил Владислав Владимирович.

– Упаси бог вам сбредить! Сам себе никогда не прощу, – ответил официант. – Вот и место ваше. Вас ждет не дождется, – и повел их к свободному столику по соседству. Владислав Владимирович оттолкнул протянутое меню.

– Наизусть знаю, что в твоём поминальнике написано! – он обернулся спутнице: – А чего у нас Кларочка желать изволит?

– Шампанского... и сладенького, – томно протянула дама.

– Слышал? – Повернулся к официанту Владислав Владимирович. – Дюжину Абрашки⁹⁴ ледяного тащи. Меньше не приемлем-с! И фруктов с шоколадами и пирожными всякими давай. Ну, а мне поросенка с хреном, икорки и водки большой штоф, само собой!

Семка исчез, а Владислав Владимирович повернулся к спутнице и начал что-то оживленно рассказывать.

⁹³ Зефир – популярная в дореволюционной России марка папирос Санкт-Петербургской табачной фабрики «Лафермь».

⁹⁴ Абрашка – обиходное название шампанского «Абрау-Дюрсо».

Подали горячее.

– Это и есть дьябки? – спросил Лавр, глядя на небольшое блюдо с поджаренными кусочками хлеба.

– Да. Пробуй, тебе понравится, – ответил Викентий, и, наполняя рюмки, добавил: – Это острые гренки, с чесноком и перцем, к борщу они очень хороши.

– Действительно, очень недурственно! – кивнул Лавр, откусывая небольшой кусочек. – Весьма пикантно!

Вдруг у Викентия, в очередной раз наполнявшего рюмки, дрогнула рука, и несколько капель замечательного напитка пролилось на белоснежную крахмальную скатерть. Лавр проследил за его взглядом и увидел стоящего в дверях Александра Петровича, внимательно оглядывающего зал. Увидев их, он подошел к столику и, пряча улыбку в пушистые усы, доброжелательно произнес:

– Приятного аппетита, господа! Вы позволите?

– Да-да... конечно, будем очень рады! – Несколько напряженно произнес Лавр, а Викентий подозвал официанта и жестом попросил принести третий прибор.

– Прошу, господа, не расценивать мой визит, как вторжение в вашу приватность. Мы условились обмениваться информацией, и буквально через четверть часа после вашего ухода мне принесли интереснейшую телеграмму. Зная, где вы разместились, я совершенно правильно, как видите, предположил, где вы будете ужинать, и зная живой интерес, проявляемый вами, не удержался от ответного посещения.

– И... что...? – с придыханием спросил Лавр.

Викентий, поняв, что Пришелец пришел с самыми добрыми намерениями, уже взял себя в руки и произнес, обращаясь к Лавру:

– Александр Петрович после трудового дня, я полагаю, что будет разумно сначала сделать заказ. А пока его будут исполнять, под наличествующие холодные закуски он начнет рассказывать более обстоятельно, – и, повернувшись к Пришелецу, он передал ему меню.

– Вы не только хороший следователь, но и прекрасный психоаналитик! – рассмеялся Александр Петрович. – Я, действительно, чертовски голоден!

– Тогда, прошу вас, господа! – сказал Викентий, и уверенно наполнил рюмки.

– Так вот. После получения циркуляра о розыске, нашим ведомством был направлен запрос в Главное тюремное управление в отношении ваших фигурантов. По Макухину информацией они не располагают, а вот про Мокрецова сообщили много интересного. – Викентий и Лавр подались вперед, но Пришелец, не торопясь, прикурил папиросу и, сделав несколько затяжек, продолжил: – Мокрецов был осужден на 10 лет каторжных работ за участие в вооруженном грабеже. В этой банде, полагаю им же и сформированной, он играл роль первой скрипки. В силу природной сметки ему удалось запутать следствие и всю вину переложить на двух участников, один из которых был убит, а второй тяжело ранен при задержании и, соответственно, не мог быть допрошен соответствующим образом. После суда Мокрецов был направлен в Иркутск, на нашу главную перевалочную базу этапного пути по Восточной Сибири, а оттуда за Байкал, на Нерченские казенные заводы и рудники. В Иркутске, находясь в Александровском пересыльном центре, за буйное поведение был подвергнут 30 ударам розгами. Тюремная администрация характеризует его как жестокую и агрессивную личность, но с высокими организаторскими способностями. На этапе он занимал лидирующее положение. В камере его койка находилась рядом с Антоном Полондрой, приговоренным к 20 годам каторги. Отсидев три года, они совершили побег, к сожалению, удачный.

– Этого не может быть! – вдруг покраснев, сказал Лавр.

Пришелец и Викентий с удивлением посмотрели на него.

– Обо всех случаях побега уведомляются становые приставы, которые, в свою очередь, доводят информацию до околоточных для установления наблюдения по месту жительства. Ко

мне такой циркуляр не приходил. Я шесть лет в должности и, смею вас заверить, что очень серьезно отношусь к ведению документации, особенно такого свойства и требую такого же от подчиненных. До меня эту должность занимал человек, также крайне щепетильно подходивший к этим вопросам.

– Милейший Лавр Павлович! Смею заверить, что вашей вины, а тем более вашего предшественника, здесь нет. Во всем повинна наша российская расхлябанность. Я затребовал все циркуляры о побегах за этот период: Полюндру я нашел, а Мокрецова... увы, нет.

Лицо Лавра постепенно приняло привычный цвет, Он смущенно улыбнулся и сделал неопределенный жест пальцами, который был верно расценен Викентием, вновь наполнившим рюмки. Но Лавр вдруг опять нахмурился:

– Они совершили побег вместе, и их фамилии обязательно должны были быть в одном циркуляре. Как могло случиться, что Мокрецова не вписали?

– Причин тысяча! Когда сотрудник готовил документ, его могли совершенно случайно отвлечь: пригласить выпить чаю, рассказать свежий анекдот, вызвать к начальнику. Элементарное разгильдяйство, – с улыбкой ответил Александр Петрович и уже серьезно добавил: – Небрежность неведомого нам сибирского крючкотвора привела к тому, что беглый каторжник, не таясь, разгуливает на свободе. Но самое неприятное то, что Полюндра родом из Екатерининска, и есть информация, что его здесь видели. Вполне вероятно, что Мокрецов попытается его найти.

За соседним столиком Владислав Владимирович шумно требовал ведро, чтобы напоить шампанским кобылу, запряженную в ожидавший их фаэтон.

– Бедный купчишка, к утру без денег останется, – сказал Пришельцев.

– Вы полагаете, что он в состоянии пропить состояние? – скамбурил Викентий.

Александр Петрович оценил шутку, рассмеялся и пояснил:

– Его спутница – известная в северной столице хипесница⁹⁵ Ирина Кирилловна Богословская. Мы получили уведомление из Санкт-Петербургского сыска. Когда они поднимутся в номера, в самый пикантный момент появится оскорбленный ревнивый муж или брат, готовый вступить за честь сестры, и начнут вымогать деньги. Купец наверняка женат и панически боится огласки.

– Так давайте незамедлительно примем меры, – сказал Лавр, расправляя плечи.

– А какие меры ты собираешься принять? – с улыбкой поинтересовался Викентий. – Женщина отдыхает с мужчиной, за это ее не привлечешь. Заявления, я так понимаю, не будет. Вот если бы она его опоила, и он утром прибежал бы в участок, тогда все было бы ясно и понятно, а так... пока нет состава⁹⁶, ничего ты не сделаешь.

Пришельцев одобрительно посмотрел на Викентия.

– Мы не будем дожидаться кульминации, а спрофилируем это преступное деяние и спасем честное имя, в котором я глубоко сомневаюсь, этого заблудшего отца семейства.

– Как спрофилируем? – спросил Лавр, от возбуждения раздувая ноздри, как спаниель при виде подранка.

Пришельцев подозвал официанта.

– Скажи, пожалуйста, Семен Васильич, кто это за соседним столиком с голубоглазой блондэ?

Не меняя позы, Семка ответил:

⁹⁵ Хипесница (жарг.) – женщина легкого поведения, занимающаяся кражей денег и ценных вещей у пришедших к ней посетителей.

⁹⁶ Состав (проф. сленг) – состав преступления: совокупность предусмотренных уголовным законом объективных и субъективных признаков, которые характеризуют общественно опасное деяние как преступление.

– Владислав Владимирович Сеницын, купец первой гильдии, мануфактурные товары. «Торговый дом Сеницын и сыновья». Из Саратовской губернии. Имеет интерес к Чарачеву⁹⁷.

– Сейчас поменяешь пепельницы, в ней будет записка, передашь ее спутнице, когда выйдет в дамскую комнату.

Пришелецев написал записку и положил ее в пепельницу, Семен мгновенно произвел замену, а через некоторое время вышел за женщиной в вестибюль. Все трое внимательно следили за входом.

– Лавр Павлович, не лорнируйте даму, сейчас она будет искать автора, – широко улыбувшись, сказал Пришелецев.

Ирина на мгновение остановилась и быстрым взглядом окинула зал. Встретившись взглядом с двумя респектабельными мужчинами, сидевшими в дальнем углу, она поправила прическу и три раза повела головой в разные стороны, как будто оглядываясь.

– Ну, вот... господин Сеницын может спать спокойно. Во всяком случае сегодня он сохранит репутацию примерного семьянина. Видите тех двоих? Это ее напарники, судя по возрасту, возмущенные братья. Она дала им сигнал отбоя.

– Коты⁹⁸? – блеснул знанием сленга Викентий.

– Ну, что вы господа, право слово! Ирина свет Кирилловна – ни какая-нибудь желтобилетница⁹⁹ с Нового рынка. Это дама высшего света, хотя не исключено, что с кем-то из них у нее отношения.

– Что вы написали в записке? – заикаясь от волнения, спросил Лавр.

– Весьма лаконично и доходчиво! «Милейшая госпожа Богословская! Убедительно прошу оградить моего друга, г-на Сеницына от ваших спутников. Продолжить приятное времяпровождение при обоюдном согласии не возбраняется. С уважением и преисполненный к вам почтения. И неразборчивая подпись». Напиши я записку с применением уголовного жаргона, – добавил он, – они начали бы искать, кто им помешал, по принципу «Мы первые подсекли этого караса», а так ... чем непонятнее, тем в данной ситуации весомее. Она посчитала, что на него имеют виды преступники более высокого полета. Тем более я специально назвал ее настоящим именем и дал понять, что ее знаю. Пусть поломают голову!

– А откуда вы знаете официанта? – спросил Викентий.

– Здесь все ещё проще. Полгода назад, сажая в экипаж подвыпившего клиента, Сеня слямзил у него серебряный портсигар. Приехав домой и обнаружив пропажу, тот прибежал в полицию, на его счастье там находился я. Приехав с ним к ресторану, оставил его в экипаже, а сам вызвал Семена, показал через окно его жертву и сказал: «Или возвращаешь ворованное и остаемся друзьями или приглашаю его, делаю обыск ... дальше сам знаешь». Семен отдал краденое, а на следующий день я вызвал его себе. После короткой, но теплой беседы я предложил ему сотрудничество, и он согласился. Конечно, скрыл преступление, но приобрел ценнейшего информатора.

– Вы очень уважительно разговаривали с ним, – заметил Лавр.

– Лавр Павлович, это азы работы с агентурой. Чем больше проявляешь к нему уважения, тем больше от него отдача. При таком отношении он чувствует себя незаменимым винтиком сыскной машины и зачастую даже забывает о вознаграждении.

– Александр Петрович, в коридоре городской ожидает, сюда входить я не посоветовал, сказал, что сам вас приглашу, – сказал незаметно появившийся Семен.

⁹⁷ Борис Чарачев – известный Екатеринодарский меценат, благотворитель общества по борьбе с нищенством. Торговал мануфактурой. На его средства построено здание армянского училища, где в настоящее время находится Библиотека им. А.С. Пушкина.

⁹⁸ Кот (жарг.) – сутенер.

⁹⁹ Желтобилетница – альтернативный паспортному документ (заменительный билет), который в Российской империи давал право легально заниматься проституцией. Из-за обложки желтого цвета в народе неофициально назывался «жёлтый билет».

– Спасибо, Семен Васильич. Сей секунд выйду, – и, повернувшись к друзьям сказал: – Одну секунду, господа, сейчас вернусь.

Когда он вышел, Лавр восхищенно произнес:

– Ну, как тебе?

– Так же, как и тебе. Здорово! – ответил Викентий, наполняя рюмки. – Сейчас он вернется и выпьем!

Пришельцев вернулся быстро. Едва взглянув на него, они почувствовали что-то неладное.

– Прошу простить, господа, но вынужден вас покинуть. Убедительно прошу продолжить вечер, Семен переправит мне счет, – и предупреждая возмущение, добавил: – У нас есть неподотчет на опернужды, хоть это и против правил, но вы – гости, и приятные во всех отношениях люди. Мне хочется, чтоб вы хорошо отдохнули и не портили себе вечер.

– А что, собственно, произошло? – спросил Викентий Павлович.

– Убиты лавочник и работник. Туда выехал помощник полицмейстера Журавель¹⁰⁰, опытейший сотрудник, но мое присутствие, как начальника сыскного, там необходимо. Честь имею откланяться, – сказал он и вдруг увидел умоляющий взгляд станового пристава.

– А хотите, поехали вместе, может быть, поучимся друг у друга, – вдруг неожиданно для самого себя сказал Пришельцев.

Лавр Павлович зарделся, как гимназистка, впервые взявшая в руки анатомический атлас, и с притыханием произнес: – Конечно, хочу!

– Тогда стремленную, а то уже налито, и вперед! – сказал Пришельцев и, подзвав Семена, сказал: – счет завтра к обеду пришлешь в сыскное.

Когда они выходили, Лавр краем глаза заметил Ирину Кирилловну, печально ковыряющую ложечкой светло-зеленую массу. – Наверное, это и есть тот самый «шарлот-гляссе», которое я так и не попробовал, – мимолетно подумал он.

У пролетки стоял городской, который, увидев Александра Петровича, взял под козырек. Кивнув в ответ, он поинтересовался:

– Ехать далеко?

– Никак нет, вашвысбродь, по Гоголевской до Базовской, там второй дом от угла.

Несмотря на драматичность ситуации и возбуждение, Лавра не покидала мысль, как Митрич узнал, что его фамилия отсутствует в розыском формуляре и почему он безбоязненно появился в станице?

Он стоил невероятные версии, но предположить, что было на самом деле, конечно, не мог.

Когда Митрич с Полондрой пробрались в Екатеринодар, они около полугода жили у знакомых бандитов, вместе с ними совершили несколько преступлений и завоевали непререкаемый авторитет. ореол беглых каторжников и знание уголовной среды сделали их, лидеров по натуре, неофициальными главарями. Однажды Костя Кувшин, главарь «de jure», во время совместного застолья, опрокинув очередную стопку водки, вдруг побагровел, выгнулся, захрипел и, засучив ногами, опрокинулся навзничь. В суете никто не обратил внимания, что перед смертью, он обвел всех мутными глазами, отгрынул желтую с прозеленью пену, и, остановив взгляд на стоящем чуть в стороне Митриче, деревенеющими губами прошептал: «С-сука...», после чего благополучно отдал Богу душу. Все единодушно сочли это апоплексическим ударом, а, может, не хотели проводить никому не нужного разбора. Помянули и забыли, «Умер Максим, ну, и хрен с ним».

¹⁰⁰ Журавель Григорий Спиридонович (1886 – 1907) – помощник Екатеринодарского полицмейстера, легенда Кубанского сыска и гроза преступного мира. Убит при исполнении служебного долга.

По молчаливому сговору Антон стал главарем. Как-то раз он, когда они вдвоем шли мимо кладбища, неожиданно спросил:

– Митрич, ты помог Кувшину представиться?

Митрич помолчав, ответил:

– Я тебе помог главарем стать. Никчемный человечиска был... до водки слишком жадный.

Больше этот вопрос не обсуждался, Костя Кувшин был благополучно забыт, и его имя осталось только в архивах полицейских сводок.

Через два месяца произошло знакомство с Николаем Сергеевичем Шатским, успешно завербованным Полюндрой. Первое задание, которое он получил: – узнать активность полиции в поиске беглых каторжников.

Когда Антон узнал, что ищут только его, он искренне удивился:

– Как так? Вроде вместе бежали, а про него забыли! Вот повезло, аж завидно!

Шатский пожал плечами:

– Не знаю, но факт налицо... Ваш друг в циркуляре не упомянут, А вот по вам ситуация серьезная, ваши приметы переданы всем филерам и околоточным.

Когда Митрич узнал об этом, он призадумался. С одной стороны, появилась возможность забрать свою долю, довольно-таки приличную для станицы сумму, и начать жизнь с чистого листа. С другой стороны, он понимал, что жить, как все, он не сумеет, да и не хочет, а с третьей – ему опасно было идти в одной упряжке с Антоном, которого усиленно искали. «Куда ни кинь, везде клин», – озабоченно размышлял он.

Подумав, Митрич решил выждать время, прекрасно понимая, что со временем розыскной циркуляр сотрется из памяти полицейских, затурканных ежедневными проблемами. «Этих бумажек они никак десятками получают, чай, не мы одни с каторги тягу дали», – думал он. Не откладывая в долгий ящик, на очередной попойке, пустив для правдоподобности слезу, поведал о тоске по родной матери, тактично умолчав, что даже не знает, где ее могила. В один из последующих дней Митрич собрался, попрощался с честным народом и уехал. Но сразу добраться до дома у него не получилось. На вокзале он украл бумажник, и, когда решил отметить удачу, в кабаке встретил Сидора, своего старого знакомого.

Сидор предложил прокатиться в Усть-Лабинск и потрепать одного богатея, у которого, как тот выразился, денег куры не клюют. «Все равно по дороге», – решил Митрич и согласился. После того, как они ограбили лавочника, утром их арестовали прямо в кроватях. Они полагали, что все сделали чисто, но не учли того, что кинологическая служба на Кубани набирала обороты, и полицейский пес Джек, лихо помахивая хвостом, привел жандармов прямо к хате, где их и арестовали. По дороге Митрич бежал, и напарник, уверенный в его гибели, рассказал об этом в пересыльной тюрьме. Так по цыганской почте информация дошла до Антона, который искренне огорчился.

Через пятнадцать минут пролётка подъехала к двухэтажному дому, где уже стояли две брички. К ним подошел городовой, жестом указал на дверь и, приоткрыв ее, произнес:

– Прошу вас, господа.

Лавру сразу бросились в глаза два трупа, бесформенными кулями лежащие у стены.

– Позвольте представить, господа, наши коллеги из Кавказского уезда. Полагаю, могут быть нам полезны, – произнес Пришельцев.

После краткого знакомства он спросил:

– Ну, что скажете, Григорий Спиридонович? Ваше мнение?

– Преступников было несколько, предположительно, четверо, на что явно указывают следы ног. Полагаю, было так: сначала вошли двое, оглушили приказчика и начали бить хозя-

ина, пытаясь выяснить, где деньги. Ничего не узнав, они убили обоих, причем, убивал один, и потом попарно разошлись в разные стороны.

– Свидетелей конечно, нет? – дёрнув усом, спросил Александр Петрович.

– Жиличка, из дома напротив, возвращаясь с работы, видела двоих выходивших из лавки. Они шли ей навстречу, а когда до лавки оставалось метров пятнадцать, вышли еще двое и пошли в другую сторону. Ее сейчас подробно опрашивают.

– Вы позволите? – обратился Викентий Леонтьевич к Пришельцеву, и, получив утвердительный кивок, повернулся к Журавлю.

– Григорий Спиридонович, не могли бы вы подробнее разъяснить нам с коллегой, на чем основаны ваши заключения? – учтиво произнес он.

– Все очень просто, господа, пожалуйста сюда, только, прошу вас, по краю, – ответил Григорий Спиридонович, показывая на входную дверь.

– Обратите внимание, мы имеем четыре пары следов обуви, причем две пары перекрывают другие. Следуя показаниям жилички, что выходили по двое, можно предположить, что они таким же манером и вошли. Четыре человека, ввалившихся сразу в маленькое помещение, создадут ненужную сутолоку. Вы видите капли крови? Здесь ударили по голове приказчика. Следы рвотных масс на полу и на одежде хозяина указывают на то, что его били, но он ничего не сказал, потому что все перевернуто, то есть они искали деньги и ценности. Убивал один человек, что следует из характера ранений. Еще, конечно, посмотрим, что доктора скажут.

Викентий с Лавром уважительно переглянулись. Пришельцев с гордостью посмотрел на Журавля и перевел взгляд на друзей, как бы спрашивая: «Ну, каково вам, господа?».

Корчевский одобрительно произнес:

– Аналитические способности Григория Спиридоновича вызывают восхищение. Вы позволите подключиться к осмотру?

– Конечно, коллеги, прошу... – ответил Александр Петрович, делая рукой приглашающий жест.

Не дожидаясь дальнейшего приглашения, они сразу же включились в работу. Викентий Леонтьевич обойдя по периметру комнату, направился к трупам, осмотрев их, он напряженным голосом сказал:

– Лавр Павлович, будьте любезны!

Когда тот подошел, Викентий указал на голову:

– Похоже, как ты считаешь?

Лавр кивнул: – И даже очень.

Викентий Леонтьевич выпрямился, вытер руки платком и произнес: – Александр Петрович, вы позволите?

– Да-да... мы слушаем вас внимательнейшим образом!

– Приказчику было нанесено два удара по голове. После первого удара он пришел в себя и пытался оказать сопротивление. Его ударили повторно, а затем перетащили к стене, к хозяину, и там добили. Убивал, как совершенно правильно определил Григорий Спиридонович, один человек. Хозяина действительно допрашивали с пристрастием, выкручивая ухо, одно в два раза больше другого. Предположительно, тот, кто пытал, левша, – поймав удивленный взгляд одного из сыщиков, Викентий пояснил: – Обычно, уши крутят, находясь лицом друг к другу. У убитого вывернуто правое ухо, значит, выкручивали левой.

Посмотрев на Пришельцева, он добавил:

– Александр Петрович! Мы с Лавром Павловичем очень признательны вам за то, что позволили принять участие в осмотре места преступления. Теперь я твердо уверен, что наш визит в Екатеринодар был не напрасен. Характер и внешний вид второй раны практически идентичен тем, которые мы с коллегой уже имели честь наблюдать.

– Разрешите? – несколько смущаясь, спросил Лавр, и, когда все повернулись к нему, откашлявшись, произнес:

– Приказчик оказал активное сопротивление и нанес одному из бандитов травму.

У всех, в том числе и у Викентия, на лицах выразилось недоумение. Смутившись еще больше, но овладев собой, Лавр продолжил:

– Металлический метр погнут, и лежит на полу, он довольно-таки тяжел, а прилавок широк, просто так упасть на пол метр не мог. На одном конце кровь и частички содранной кожи, кажется, она называется эпидермис, но ладони приказчика и хозяина повреждений не имеют. Вряд ли преступник шел сюда, рассчитывая найти оружие на месте. Погнутость метра, на мой взгляд, объясняется тем, что его использовали для нанесения тычкового удара. Как правило, когда бьют сверху, удар наносят ребром, что к деформации не приводит. И еще... его концы измазаны мелом, а на одежде убитых нет никаких следов.

Присутствующие уважительно переглянулись.

– Однако... – произнес Григорий Спиридонович, переглянувшись с Пришельцевым, и тот одобрительно покачал головой.

– Очень... очень интересно рассуждаете. Право, господа, я очень рад, что мне довелось с вами познакомиться, – улыбнулся Александр Петрович.

В комнату вошел один из сотрудников:

– Труповозка прибыла, разрешите забирать?

– Да, грузите... вряд ли они нам что-то расскажут, – распорядился Журавель.

Когда мортусы¹⁰¹, погрузив тела, уехали, Пришельцев предложил:

– Ну что, господа, давайте чуть-чуть задержимся, подведем итоги и определим порядок проведения расследования.

Все согласно кивнули, и он продолжил:

– Григорий Спиридонович, попрошу вас определить размер похищенного. Свяжитесь с оптовыми лабазами и банками, установите примерное количество денег, которое могло быть в наличии. Сергей Леонидович, будьте любезны, с утра в морг. Обозначьте прозектору перечень вопросов. Одним ли оружием нанесены удары? Траектория, ширина клинка, глубина раневого канала... ну, да не мне вас учить, сами все знаете. Да... особое внимание пусть уделит детальному описанию ранений и повреждений. Изымите образцы ткани и крови с железной линейки, обнаруженные Лавром Павловичем, возможно, впоследствии пригодятся. После морга займитесь установлением круга общения убитого, свяжитесь с родственниками, вызовите их телеграммой. Жиличку завтра ко мне к пяти часам пополудни на допрос, хотя нет, лучше я сам к ней приеду, будет более спокойна. Петр Семенович, завтра с утра возьмите толкового жандарма и проведите подворный обход. Там на углу будка зеленщика – он мог что-то видеть, за квартал отсюда постоянно торгует семечками какая-то старуха. Эта публика весьма наблюдательна.

– Вы позволите? – просил Викентий, и, получив утвердительный кивок, продолжил: – Полагаю необходимым незамедлительно затребовать акты вскрытия по убийствам, о которых мы с вами беседовали на предмет сравнения.

– А у вас в Кавказском уезде тоже делают вскрытия или придется направлять нашего трупореза? – с пренебрежительной усмешкой спросил молодой сотрудник, которого Пришельцев назвал Петром Семеновичем Воропаевым. Журавель неодобрительно посмотрел на него.

Викентий улыбнулся:

– Да, и весьма качественно. Смею вас уверить, что эксгумации не понадобится. Арнольд Ромуальдович – высококвалифицированный специалист и очень щепетильно относиться ко всем моментам, представляющим интерес для следствия.

¹⁰¹ Мортус – служитель при карантине и при эпидемиях. В обязанности мортусов входила уборка трупов. Здесь – служащий морга.

– Петр Семенович, если вы такой знаток медицины, завтра с утра будьте любезны в морг и откатайте пальцы у убитых, – тонко улыбнувшись в усы, сказал Пришельцев и добавил: – Руководителем группы будет Григорий Спиридонович. Завтра в четыре часа прошу всех прибыть ко мне с докладом, а сейчас всем отдыхать.

Когда все вышли на улицу, он, указав на коляску, сказал:

– Присаживайтесь, довезем до гостиницы, нам по пути.

Журавель и Пришельцев сели сзади, а Лавр с Викентием разместились на лавочке, спиной к кучеру.

– Скажите, о каких преступлениях вы говорили? – спросил Журавель.

Викентий вкратце рассказал. Григорий Спиридонович задумчиво произнес:

– Вы полагаете, что это они?

– Не могу утверждать безоговорочно, но два ранения черепа, которые я наблюдал у нас в уезде, по внешним признакам практически идентичны. Дождемся результатов вашей экспертизы и сравним с нашей. Тогда, я думаю, какая-то ясность появится, – с улыбкой ответил Викентий. Ему очень понравился этот немногословный человек.

У гостиницы они вышли. Когда пожали на прощание руки, Лавр вдруг, оглянувшись на Викентия, смущенно спросил:

– Александр Петрович, вы не позволите нам поприсутствовать на завтрашнем совещании?

– Будем только рады! – одновременно произнесли Пришельцев с Журавлем и, переглянувшись, засмеялись.

– Тогда господа, до завтра, вернее, до сегодня, – сказал Пришельцев и бричка, скрипнув рессорой, тронулась с места.

Когда они скрылись за поворотом, Лавр спросил:

– Ты действительно думаешь, что это они?

– Да... Они уже здесь. Мало того, успели связаться с такими же мерзавцами и еще натворят много бед! – сумрачно ответил Викентий. – Пошли отдыхать! День сегодня был очень насыщенный!

В это же время, за два квартала от гостиницы Александр Петрович, закулив очередную папиросу, спросил:

– Как тебе наши коллеги? – наедине они общались, как старые друзья.

– Прекрасно... грамотные, цепкие, наблюдательные! С ними приятно работать, право слово! Ты обратил внимание, как этот Лавр проанализировал ситуацию с линейкой? Я был восхищен, а ведь он не следователь, а становой пристав! Да и другой не хуже! Как он обрисовал в деталях картину происшествия! Прямо Шерлок Холмс, да и только!

– А Лавр получается, доктор Ватсон? – спросил Пришельцев.

Когда они закончили смеяться, Александр Петрович, посерьезнев, произнес: – Безусловно, мы сегодня же затребуем результаты вскрытий по преступлениям, о которых они рассказали. Если по характеру ранений они будут соответствовать сегодняшним, как ты думаешь, есть ли смысл затребовать их в наше подчинение на какое-то время для оказания содействия в раскрытии преступления?

– Если это возможно, то я только за! Уверен, что от них будет польза. Они нестандартно мыслят...и...и...и.. – замялся Журавель в поисках нужного слова, затем махнул рукой. – Просто приятные люди!

Авдей и Яков в отдельном кабинете уже выпили полштофа водки, когда в трактир, блестя глазами, быстрым шагом вошел Аскер.

– Через пять дней много денег в банк привезут, надо дело делать, а то потом сколько ждать?

– Ты присядь, дорогой, выпей, поешь, а потом о делах говорить будем, – ответил ему Яков.

Аскер сел, взял кусок пирога с капустой, Авдей налил ему водки. Тот выпил и, давась пирогом, начал рассказывать. Они засмеялись.

– Прожуй сначала.

Когда Аскер поел, Авдей сказал: – Завтра Яков, встретиться со своим человечком, кто он у тебя? Младший бухгалтер? Если он подтвердит то, что шепнули Аскеру, тогда надо готовить дело. Ты говорил, нужна баба и пацаненок. Есть?

– Да, думаю Верку-кобылку взять и Сеню Стрижа, правильный жиганец и актер отменный. Когда его на кармане взяли, он так падучую¹⁰² изображал, я чуть живот не надорвал!

– Хорошо, пусть так. А кого с собой возьмем? Сивого?

– Его одного маловато, – покачал головой Яков. – Надо еще одного, на хорошей бричке и с хорошим конем. Охранников трое, один на козлах – четвере. Нас тоже четверо, нужно еще хотя бы одного, для подстраховки.

– Давайте Калину возьмем, он хлопчик в деле проверенный! – сказал Аскер.

– Лады, пусть будет Калина, – согласился Авдей. – Ты, как встретишься со своим счетоводом, забереешь меня с фатеры, и пойдем на месте оглядимся. Да, вот еще... Аскер, завтра найди Верку со Стрижом, Калину с . Сивым и вечером тащи на малину к Пете-пузатому. С утра скажешь ему, чтоб остальных отшил.

Яков и Аскер согласно кивнули. Вошел половой и принес зажаренного поросенка. Яков наполнил рюмки, все дружно выпили и закусили.

– Аскер, а как ты поганое животное ешь? Что Аллах скажет? – улыбаясь, спросил Яков. Этот диалог был обязательным ритуалом под зажаренного поросенка.

– Мы под крышей сидим, Аллах не видит, а ты, мой друг, ему не скажешь, – ответил тот.

– А когда мы на Карасуне мясо жарили? Там крыши не было.

– Там тучи были, потом еще дождь пошел! Меня тоже видно не было, – и, предупреждая следующий вопрос, сказал: – А если бы туч не было, я бы под дерево спрятался.

После этого он широко улыбнулся и крепкими белоснежными зубами разгрыз сахарную косточку.

На следующий день, когда все собрались в гостиную, Антон сказал:

– Ну что, господа хорошие... все молодцы, за что я вам премного благодарен. Удачно мы посетили купца-миroeда. Взяли без малого четырнадцать тысяч рублей и акций чуток, тыщи на две. Вы знаете, я хабар делю открыто, под одеяло не прячусь. Значится, расклад такой будет: Катерине с Алей по пятьсот рублей. Мне и Митричу по три тысячи. Тихону две, Ивану полторы, – и, глянув на него, добавил: – Штраф с тебя, за то, что дуру¹⁰³ выронил. Ужас, что могло бы произойти, если бы этот амбал до шпалера дотянулся. Хорошо Тихон, дай Бог ему здоровья, не сплеховал! Афанасию пятьсот рублей. Остальное в кассу на общие нужды пойдет. Любой имеет право спросить, куда ушли общие деньги.

Все согласно покивали головами. Антон удовлетворенно обвел всех глазами и, убедившись, что все с ним согласны, вынул из кармана золотые часы и протянул Тихону:

– Держи, Тиша, это премия тебе от нас, за то, что не растерялся, – затем достал пятьсот рублей и добавил, обращаясь к Ивану:

– Завтра сводишь его в «Якорь», пусть парень разговееется, заслужил, чертяка!

¹⁰² Падучая (простореч.) – эпилепсия.

¹⁰³ Дура, шпалер, волына (жарг.) – пистолет.

– И я с ними, после хорошего дела и покобелиться не грех! – масляно блеснув глазами, сказал Митрич.

Утром, когда они встретились в вестибюле, Викентий спросил:

– Ну что? Сначала каждый по своим делам, а в четыре на совещание?

– Да. Но сначала позавтракаем, и не вдвоем! – таинственно ответил Лавр.

На немой вопрос он многозначительно улыбнулся и подошел к портье:

– В каком номере остановились дамы, прибывшее вчера утром? Будь любезен, передай незамедлительно записку. Кому именно? Не имеет значения, любой!

Черкнув несколько слов на бланке отеля, он передал его вместе с полтинником и, добавив: «Поторопись милейший!», – гордо повернулся к Викентию, указывая на дверь, ведущую в ресторан. – Идем, столик займем.

Они заказали по чашке кофе и закурили. Прошло около четверти часа, после третьей папиросы Лавр сказал: – Я сейчас умру с голода. Через пять минут начинаем завтракать и уходим.

Викентий поднял руку, подзывая официанта, но в это время открылась дверь, и на пороге появились Хельга и Людмила. Окинув взглядом зал, они направились к их столику. Друзья встали, учтиво поздоровались и отодвинули дамам стулья. Девушки, без тени жеманства, сели.

– Мы благодарны, что вы приняли наше приглашение, Прошу вас, – произнес Викентий, протягивая меню.

– Мне консоме¹⁰⁴ с пашотом¹⁰⁵, волован, и орандж, – сказала Хельга.

– А я, пожалуй, ограничусь маседуаном¹⁰⁶, краковским пирожным и чаем, – добавила Людмила.

– Прекрасное утро, не правда ли? – учтиво начал Лавр.

Девушки переглянулись и прыснули со смеху.

– Вы настоящий светский лев и разбиватель юных сердец! – сказала Хельга.

Лавр смутился.

– Какое же оно прекрасное? Вон тучки собираются, наверное, дождик будет, – добавила Людмила.

– Однако... Вы правы, сударыня! – Лавр произнес это с такой печалью, что все дружно рассмеялись, и неловкость сразу исчезла.

Официант принес заказ, и на некоторое время за столом наступило молчание.

– Вы действительно пробудете в Екатеринодаре месяц? – поинтересовался Викентий.

– Да, мы приехали, чтобы изучить возможность создания филиала московского общества «Сетлемент¹⁰⁷». Вы, безусловно, знакомы с этим новым направлением? – спросила Людмила, с улыбкой глядя на Лавра, который судорожно рылся в памяти, хотя твердо знал, что этого слова он никогда не слышал.

Положение неожиданно спас Викентий. Небрежно откинувшись назад, он спокойно произнес: – Ну что ж, весьма благородная цель... работа с детьми, особенно из бедных слоев населения, крайне необходима.

Девушки с уважением, а Лавр с восхищением, посмотрели на него.

– Вы знакомы с работой нашего общества? – удивилась Хельга.

¹⁰⁴ Консоме (франц.) – бульон.

¹⁰⁵ Пашот (франц.) – традиционное французское блюдо на завтрак из разбитых яиц, помещённых в горячую воду без скорлупы.

¹⁰⁶ Маседуан (франц.) – блюдо из свежих фруктов и мороженого, пропитанных ликером или коньяком.

¹⁰⁷ «Сетлемент» – добровольные общества интеллигенции, которые вели культурную работу среди городской бедноты. В 1908 году было закрыто полицией за пропаганду социализма среди детей.

– В общих чертах, – учтиво ответил Викентий, накалывая на серебряную вилку с монограммой гостиницы маслину. – Насколько мне помнится, «Сетлемент» был подвергнут остракизму за пропаганду социализма среди детей?

В глазах девушек мелькнула напряженность. Хельга первая взяла себя в руки: – Мы возродим нашу организацию из пепла, как птицу Феникс! – порывисто произнесла она.

– Я искренне желаю вам успеха, – улыбаясь, сказал Викентий. – Но что вы возьмете за основу? Опять социализм? Или все-таки привитие трудовых навыков?

Почувствовав, что разговор приобретает неприятное для собеседниц направление, он поспешил сменить тему:

– Если я правильно информирован, на Бестужевских курсах три отделения: историко-филологическое, юридическое и физико-математическое. Если не секрет, где вы изволите обучаться?

– На юридическом, – машинально ответила Хельга, и, спохватившись, язвительно добавила: – Вы случайно не в Министерстве народного просвещения служите?

Продолжая доброжелательно улыбаться, Викентий ответил:

– Нет, я по другому ведомству, но с уважением отношусь к фон-Кауфману¹⁰⁸, и в частности, к закону о бесплатном образовании.

Юридическое поприще было более знакомо Лавру, чем обучение детей, и он уже уверенно вступил в разговор:

– А кем вы видите себя в юриспруденции?

– На тех же ролях и постах, которые занимаете вы, мужчины, – твердо ответила Людмила, и, гордо вскинув красивую головку, добавила: – Которые вы, зачастую, занимаете не по праву.

– Но вы же, я надеюсь, не собираетесь заниматься сыском или адвокатурой? Ведь это, прошу прощения, не женское дело.

– А что женское? Нарожать кучу детей, варить вишневое варенье, вязать мужу носки и сюсюкать «Ах, милый, ты не забыл взять завтрак?!», – спросила Хельга, и, слегка пристукнув смуглым кулачком по столу, добавила: – Мы, женщины нового типа, – решительные, активные, имеющие одинаковые с мужчинами права! Кстати, уже есть первая ласточка! Катя Флейшиц¹⁰⁹ – дочь присяжного поверенного. Она бы выиграла свое первое дело, но хам-прокурор заявил протест относительно ее участия в качестве адвоката. Вы бы слышали его речь! Мужлан, да и только!

– А предлог, по которому женщинам запретили участвовать в процессах? – Возмущенно добавила Людмила и наизусть процитировала: – «Присяжный поверенный, выступая перед судом, должен иметь на лацкане фрака значок университета, в котором он получил диплом». Как вам нравится? Ведь мы фрак не носим! И из-за этого, Катю исключили из адвокатуры!

– А как же естественное предназначение женщины? – печально спросил Лавр.

– Да нарожаем мы вам детей, и воспитаем, но при этом будем иметь равные с вами права! Лоб Лавра собрался в гармошку:

– Простите меня, сударыни, но я действительно не понимаю, как рожать на равных правах?

Все дружно рассмеялись, и разговор перешел на погоду, как в любом светском, но мало-знакомом обществе. Минут через десять девушки встали и начали прощаться.

– Ваше общество было весьма приятным, мы благодарны вам за прекрасный завтрак и увлекательную беседу, – искренне сказала Хельга, глядя Викентию в глаза и протягивая руку.

¹⁰⁸ Фон-Ка́уфман П. М. (фон-Кауфман-Туркестанский) (1857-1926) – русский государственный деятель, министр народного просвещения. Внес на рассмотрение законопроект, согласно которому было резко увеличено финансирование народного образования и установлено бесплатное начальное образование.

¹⁰⁹ Е. А. Флейшиц (1888 -1968) – российский и советский юрист, доктор юридических наук, профессор. Первая женщина-адвокат (помощник присяжного поверенного) в Российской Империи.

Викентий задержал ее в своей ладони:

– Могу я позволить пригласить вас... – он замялся, затем широко улыбнулся. – Я еще не придумал куда, но может это и к лучшему! Пусть будет интрига!

Лавр, пожиривший глазами Людмилу, вдруг неожиданно решил поддержать светскую беседу.

– Сударыни, в каких отношениях вы с лошадьми?

Хохот потряс ресторан, полупустой в эти утренние часы.

– Не в интимных, клянусь вам, сударь! – еле выговорила Хельга, захлебываясь от смеха.

Его лицо стало цвета перспелой вишни и казалось, что его сейчас хватит удар. Невероятным усилием воли он просипел:

– Я хотел узнать, ездите ли вы верхом и имеете ли костюмы для верховой езды! Ради бога! Простите! Имелась ввиду только конная прогулка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.